

Алексей Рудольфович Антипов (Дэлль-Василевский)

“КРЕСТНАЯ ДОЧЬ”

*Оптимистическая трагедия в шести картинах
Великого Сальвадора.*

Действующие лица:

ОНА - ведьма (любви)

ОН - кинопорнорежиссер

СВЯТОЙ ОТЕЦ СЕМЁН – приходской священник

КОТ – Марс Хусейнович Шабаш.

Картина первая: “Великий Мастурбатор”

1929 год, холст, масло; 110 X 150 см., частное собрание.

Отель Атлантика, номер, ванна, он сидит в ванной, ОНА его бреет.

ОНА. Ладно, как ты его зажал.

ОН. Её.

ОНА. Ни хрена, его. Он еще две недели был мужиком, и готовился стать папой, а потом он совершил этот невероятный поступок – лишил себя члена, и просверлил вагину, и всё из-за тебя.

ОН. Это еще почему?

ОНА. Потому что ты не соглашался стать гомосексуалистом, я полагаю.

ОН. Ты смотри, а может, так оно и есть? Сейчас-то меня к нему, то есть к ней, признаюсь, тянет. Как к матери. Или сестре.

ОНА. Ага. В крайнем случае – к брату.

Веселенький ты у меня мужичёк. Значит, с бабами мне трахаться можно, а с транссексуалам – нет? Это ещё почему?

ОН. Потому что они – те же мужики, только без хренов. К тому же они лучше женщин, и лучше мужчин, потому что лучше уж реформированная Ева, чем деформированная, которая была есть, и будет.

ОНА (*аплодирует*). Ни хрена себе. А что там, на счёт мужчин?

ОН. Они лучше мужчин, потому что смелее их. Я бы, например, в жизни на это не решился.

ОНА. Под страхом смертной казни?

ОН. Не знаю, киска.

ОНА (*грозно*). Под страхом смертной казни?!

ОН. Нет!

ОНА. То-то. Издохнуть-то вы все боитесь.

ОНА изображает резкое движение опасной бритвой.

ОН. Если ты меня сейчас порежешь, то знай, я хочу быть похороненным в Москве.

ОНА. Ты застрахован?

ОН. Да.

ОНА. Давай не расставаться никогда.

ОН. Осторожно, порежешь раньше времени. А так же: все свои литературные произведения, литературные эссе, заметки, всю свою переписку...

ОНА. Переписку оставь себе.

ОН. Да ты не знаешь, что за переписка!

ОНА. Далее.

ОН. Далее – все свои кинополотна.

ОНА. Это порнуха твоя что ли?

ОН. Brass тоже, скажу тебе, слегка откровенен. Я не лгу, и тем спасаю свою совесть.

ОНА. От кого?

ОН. Просто – от нападок.

ОНА. Ну, ну. Смотри, не потеряй.

ОН. Совесть?

ОНА. Нет, нить повествования.

ОН. Свою свору фокстерьеров.

ОНА. Почём нынче свора? Эти твои кудлатые суслики что-нибудь стоят?

ОН. Не смей их называть сусликами. Сука.

Она заносит бритву.

О, пардон. Конечно, стоят.

ОНА. Сколько?

ОН. Ну, баксов...

ОНА. Хрен с ними. А яхта?

ОН. Детка, она заложена.

ОНА. И ты её даже ни разу не застраховал? Ну, ты лох.

ОН. Нет, отчего ж. Но это было давно – водку продали, а деньги пропили.

ОНА. А машинешка? А этот, как его «Бомардье-ё-ё – маёёё»? А театрик в Амстердаме? А жесткое, как вы недавно выразились, мистер режиссер и общественный деятель, «жесткое немецкое порно?»

ОН. Ладно, короче, всё это я завещаю...

Длительная пауза.

ОНА. Своей старшей жене... *(заносит бритву)*.

ОН *(осторожно отводит её руку)*. Аккуратней девушка. Сначала сношаться прекрати. По курортам.

ОНА. Ни хрена себе, а ты? Как же все эти твои порнозвезды? С которыми ты трахался сам, и меня заставлял. Сволочь.

ОН. Ты же говорила, что тебе нравится.

ОНА. Я говорила мне интересно.

ОН. Вот и мне. К тому же, я, как ты видишь, мужчина.

ОНА. Кто ты?! О, да, я забыла.

(Заносит бритву ему между ног, ОН хватается за отросток – под мыльной водой.)

ОН. Ну и что? Что ж плохого, что я мужчина! Жила бы с каким-нибудь педиком, перед которым бабы раскорячиваются, а он меняет ориентацию, как последний...Русский. К тому же, я питаю к тебе определенное чувство, а ты ко мне – ни какого.

ОНА. Да. Вот я сижу, как последняя дура, брею этому старому, развратному, дебильному импотенту его «ушастое ЭПАЛО», собиралась отбрить ему еще и его паскудный член, который г... только не бывал, в каких таких краях и странах, и я не питаю к тебе никаких чувств?!

Тогда вот тебе твой трофейный станок, его, кстати, тебе купила я, и как-нибудь расскажу тебе, и что мне стоило пойти для того, чтобы скопить на него деньги....

ОН. Стоп, стоп, и на что тебе надо было идти, и с кем, ты мне ничего про это не рассказывала...

ОНА. Я ТЕБЕ ВООБЩЕ МНОГО ЧЕГО НЕ РАССКАЗЫВАЛА.

ОН. Блядь, так и знал. Что-то я чувствую – весь этот станок мне не в кайф, хоть он и трофейный.

Всему, детка, есть цена! Шла бы работать.

ОНА. В этой твоей порнухе сниматься, что ли?

ОН. Нет. Только не это.

ОНА. Пощадил, сволочь. А признайся, гад ползучий, тебя когда-нибудь кто-нибудь брил? Пока ты вот этак, ни чесал свой замшелый зад в джакузи?

ОН. Дело было давно. Все гетеры Рима, уже после того, как его осветил Константин, и запретил блядство, сбежались ко мне в походный шатер – вот там они меня и побрили. С тех пор я умираю и возрождаюсь множество раз... Или разов, как правильно сказать?

ОНА. А я, представляешь, в первый раз.

(Швыряет ему бритву в воду).

Смотри, не порежься.

ОНА уходит. ОН долго ищет станок на дне ванной, пытается бриться, внезапно бритва вырывается из его рук, начинает летать по ванной, залетает, как бумеранг, в «левый верхний угол», и оттуда пикирует ему по щеке – хлынула кровь.

ОН. Опять, сука?!

Двухкочный номер в отеле "Атлантика". Койки составлены в одну, у изголовья висит репродукция с картины Сальвадора Дали "Великий мастурбатор".

ОНА лежит в постели, звонит телефон, ОНА берет трубку.

ОНА. Нет, ЕГО нет. Простите, ОН в ванной. Не могу. Он мастурбирует. В смысле - дробит. Да, "как он хочет". Потому что он думает, что великий. Великое говно. Не беспокойтесь, больше такого не повторится. Нет,

просто это будет невозможно. Он мне - скорее всего папа. Наверное, крестный. Нет, я ему не завидую. Тогда выйдете из квартиры, садитесь на лифт, поезжайте на самый последний этаж. И прыгайте. Ну тогда прыгайте прямо сейчас. Я жду. Нет, не до свидания. Прощайте. Вспоминайте меня, когда вам будет скучно.

Проходит мгновение, из трубки доносится пронзительный женский крик, звук падающего тела - на что-то твердое.

ОН выходит из ванной, в белом халате, становится напротив "Великого мастурбатора".

ОН (декламирует).

"Утомленный светом дня, мучившим Великого Мастурбатора с самого восхода, его безмерный нос уткнулся в анисовую поверхность равнины, его громадные веки опустились, его лоб съели страшные морщины, и шея вспухла оттого, что на ней поселился знаменитый

фурункул, в котором копошатся муравьи, сковывая его в этот вечерний час, когда еще слишком светло, а между тем налет, полностью покрывая его зев, начинает застывать в агонии огромного кузнечика, который неподвижно прильнул к нему, приклеился к нему в течении вот уже пяти дней и пяти ночей".

ОНА. Ну ты даешь.

ОН. Если бы я. Это стихи Сальвадора Дали - Великого Мастурабтора. Он опубликовал их в тридцатом году в своей книге "Зримая женщина". Представляешь? В тридцатом году.

ОНА. С ума сойти. И до сих пор актуально.

ОН. Девочка моя! Что ты в этом можешь понять?

ОНА. В мастурбации?

ОН. В далианском стиле.

ОНА. Понять это невозможно. Но можно почувствовать. К тому же у тебя есть точно такие же серые борцовские трусы, - я могу, как та рыжая тетка с белой лилией на груди.

ОН. Не кощунствуй. Живопись - это не жизнь. А если и жизнь - то не наша.

ОНА. А жизнь наша - сплошная порнография.

ОН. Это точно. Кто звонил?

ОНА. Какая-то твоя порнозвезда.

ОН. И чего ей было надобно?

ОНА. Великого Мастурбатора.

ОН. И что ты ей сказала?

ОНА. Я сказала, что ОН упражняется.

ОН. А порнозвезда - что?

ОНА. Выбросилась из окна.

ОН. Какая жалость.

Где-то из окна доносится кошачий вопль. Ещё один. Ещё один. Она встаёт из постели.

ОНА. Кажется там, за стеной, была лучшая эрекция года. Я так смеялась.

ОН. Не будь такой занудой, дорогая. *(Бросается к окну.)* Мадам, вы же умная женщина! Отрежьте своему коту яйца.

Не самый приятный женский голос из окна.

ГОЛОС. Сам себе отрежь яйца... Богема.

Кошачий вопль прекращается. ОН прыгает в постель.

ОН. Вот видишь, девочка моя. Талант дрессуры дело такое – в третье место не денешь.

ОНА. Между прочим, ценная мысль. Тебе они тебе ваять мешают.

ОН. Дорогая, когда-нибудь наступит время и я скажу прямо как Леонид Утёсов "Ну слава Богу".

ОНА. "Слава Богу" что?

ОН. "Слава Богу всё"

ОНА. Ты врёшь.

ОН. Зачем мне врать?

ОНА Ты врёшь всё время. Это твой рефлекс. Когда ты видишь голых баб в своём кино, ты начинаешь рефлексировать.

ОН. Да, я люблю свою работу.

ОНА. А что твой новый сценарий?

ОН. Сценария нет. Какой может быть сценарий в эротическом триллере? Жесткое русское порно отличается от зарубежного жесткого порно только тем, что в нём нет "хэппи энд". И если героиня в конце фильма не выдергивает зубы пассатижами с ярко-красными ручками, то публика заскучает. А что ты думаешь? Мне не хочется снять кино, где не будет ни одной голой задницы? Меня тошнит от этих задниц. И самое главное, что каждая голая задница ценит себя так, как будто только она одна спаслась от Ноя – на его же ковчеге.

ОНА. А почему ты меня не хочешь снять в своём кино?

ОН. Потому что ты мне как дочь.

ОНА. А трахаться, значит, с дочерью можно?

ОН. Трахаться можно.

ОНА. (*Смотрит на него с восхищением*) Орёл. Тогда дай мне денег.

ОН. Нету у меня.

ОНА. Как нет? А этот твой последний триллер "Игрушка в чужих руках?"

ОН. Завтра пойду забирать у продюсера имущество. Он сволочь решил заплатить сначала шлюхам, а потом мне. Так что, дорогая, завтра я подарю тебе телевизор с экраном пятьдесят один сантиметр.

ОНА. Такой маленький? (*Щёлкает его пальцем в пах.*)

ОН. Нормальный.

ОНА. Тогда возьми меня секретаршей.

ОН. А что ты умеешь делать?

ОНА. (*Возмущённо*) Как что? Ты же ночью сказал, что почти потерял сознание. Ты сказал, что тебе так хорошо, что ещё немного и ты испустишь дух. (*Изображает.*) Милая моя чертовка, возьми меня в свой алый ад. Ты орал так, что взбесились все коты в округе, а потом ты предлагаешь отрезать им всем яйца. Слышала бы Бриджит Бардо.

ОН. Так она наоборот, за кастрацию уличных котов.

ОНА. В общем так. Никаких кастраций уличных котов. Кастрация только домашних котов. И начнём мы с тебя.

ОН. Тихо, тихо. Что ты хочешь?

ОНА. Я не хочу телевизор "Сони" пятьдесят один сантиметр. Я хочу мотоцикл "Ямаха" пятьсот кубических сантиметров. И полный комплект амуниции к нему. *(Думает.)*. Нет, лучше "Кавасаки". Нет, лучше - танк "Леопард 2а". Это считается самый надежный танк в мире, и там, в башне, стоит целый диван – с двумя валиками.

ОН. Ну, девочка, может быть на будущий год - и белка, и танк, и свисток, и мотоцикл, картонка, маленькая...Собачонка. Сейчас, видишь, не сезон. У балерин депрессия, у кавалеров не стоит, элементарный "батман" не могут сделать.

ОНА. Ладно, я пошла.

ОН. Ты куда?

ОНА. Искать работу.

ОН. А куда ты пойдёшь искать работу?

ОНА. Да хоть на панель.

ОН. Стой, стой, стой. Какая к чёртовой матери панель? Хватит здесь устраивать цирк. Ты хочешь что бы я тебя снимал в кино? В этом гнусном, всеми гонимым, непрестижном, неприличном, кино? Ты хочешь, что бы стада прыщавых, сопливых новобранцев, и стаи старых, мерзких, слюнявых стариков, мастурбировали, глядя, как ты кувыркаешься на голубом экране - с голубыми героями? Это все - от твоего невыносимого гороскопа. Ты кто по гороскопу?

ОНА. Не помню.

ОН. Точно. С этим надо бороться - нельзя быть рабыней собственной даты рождения. И постоянно думать о боге. Я тебя потом научу. Но сперва я сяду, напишу специально для тебя сценарий. Вернее, сейчас не могу, а через недельку, максимум через две недельки, ты его прочтёшь. Если тебе понравится, то сыграешь в нём главную роль. Кого ты хочешь сыграть?

ОНА. Себя.

ОН. В каком смысле? Ты хочешь выступить без псевдонима?

ОНА. Я хочу сыграть твою дочь.

ОН. Какая ты мне к чёртовой матери дочь? Что ты несешь?

ОНА. А кто я тебе?

ОН. Ты мне любовница.

ОНА. Ненавижу это слово. Уж лучше шлюха.

ОН. Прекрати.

ОНА. Ну если ты не можешь быть моим натуральным отцом, то будь отцом...

ОН. Каким? Не натуральным?

ОНА. Будь мне отцом крёстным.

ОН. Ты что, серьёзно?

ОНА. Серьёзно.

ОН. Зачем это тебе?

ОНА. А тебе что - жалко?

ОН. А причём здесь фильм?

ОНА. Ну я же тебя знаю. Порнография - это твой стиль.

ОН. Смотри что называют порнографией.

ОНА. "Порнография" в самом лучшем, высоком и чистом смысле этого слова. Так сказать "по большому счёту". А сценарий будет называться "Крёстный отец".

ОН. Хорошее название. Главное новое. *(Думает)*

ОНА. Всё ты прекрасно понимаешь.

ОН. Да. Похоже, ты попала в десятку.

ОНА. Конечно, интрига. Инстинкты. Основные, побочные. Инцест. Страсть. Групповой секс. Убийство. Муки заложников. Эти твои дурацкие пассатижи.

Она наматывает на себя простынь, начинает расхаживать по номеру.

ОНА. *(Декламирует)*. Она заложила его гениталии *(изящным жестом)* в большие чёрные слесарные тиски. Как он орал!. Боже! Как он не хотел покупать ей шикарную красную "Хонду"!

ОН. "Кавасаки"

ОНА. ДА, "Кавасаки". С объёмом двигателя пятьсот кубических сантиметров.

ОН. Ты пугаешь своим масштабом, детка. Надо понимать где жизнь, а где литература.

ОНА. Танк - это литература. А мотоцикл - это ракета.

ОН. Сколько теток на этих самых ракетах не отправляли, божественного зачатия не случилось.

ОНА. Непорочного?

ОН. Непорочного? Наверяд ли. Мне космонавты рассказывали - ЦК ожидало прилета ангела.

ОН нажимает клавишу магнитофона. Звучит мягкий джаз.

ОНА. Морская музыка. Снимать будем на море?

Оба выходят на авансцену, танцуют завернувшись в одну простыню.

ОН. Нет. Детское порно я не снимаю.

ОНА. Да успокойся ты, на самом деле никто не знает, сколько мне лет. О, патриций! Божественный. Ты что, стесняешься своего царственного тела?

ОН. Гетеризм в чистом виде. Просто я замёрз. Мне надо выпить и закусить.

ОНА. А как же ты поедешь?

ОН. Я не поеду.

ОНА. Мы будем заниматься любовью весь день?

ОН. Нет, мы будем работать.

ОНА. Над собой?

ОН. Над идеей.

ОНА. Над моей?

ОН. А какая у тебя была идея?

ОНА. Исповедаться.

ОН. В каком смысле?

ОНА. Перед крещением, я думаю, надо исповедаться. (*Укладывается в постель, закуривает*) Надо прийти к какому-нибудь седомудому дяде и сказать: "Я хочу рассказать вам про все мои грехи, Святой Отец. Я великая грешница, Святой Отец, потому, что разделяю ложе с отцом крестным."

ОН. Ты не можешь так сказать, потому что я ещё...

ОНА. Понятно. Извините Святой Отец.

ОН. Какой я тебе Святой Отец?

ОНА. Ну как. Я должна испытать страшный миг перевоплощения. Ты же меня готовишь в порнозвёзды. Мы же здесь собирались работать. Не вагоны же разгружать? Значит мы должны были писать сценарий.

Притягивает к себе столик, открывает "ноутбук", включает кнопку. Экран компьютера освещает её лицо. Печатает, параллельно декламирует.

ОНА. "Крестный отец". Сценарий порнографического триллера со святотатским, садомазохистским, самбо-румбийским, русско-латиноамериканским, православно-католическим уклоном. Присутствуют так же обряды Макумбы и Вуду. Хор. Мечети Стамбула. Мальчики евнухи. Тысячи даров. И миллионы дарохранилищ. Компьютерная графика. Бюджет пятьсот миллионов долларов.

ОН. Ого. Ты хочешь "Кавасаки" с люлькой?

ОНА. Я хочу танк. Немецкий. "Леопард 2а". Мне тут один пленный эсэсовец сказал, что это - самый дорогой и быстроходный танк.

ОН. Откуда ты все это знаешь? Правда, спуталась с каким-нибудь офицером какого-нибудь залетного вермахта.

ОНА. Перестань беситься, папа. Я читала военное обозрение.

ОН. Где?

ОНА. В библиотеке.

ОН. Значит, ты хочешь сказать, что пошла в библиотеку. Чтобы почитать про немецкий танк "Леопард 2а", или как его там? В жизни не поверю.

ОНА. И напрасно.

ОН. Девочка, твои таланты - да в мирное бы русло.

ОНА. Ну уж нет. Мое время - война.

ОН. Почему ты так решила?

ОНА. Про себя я знаю все. Я хочу въехать в церковь на танке. Разрушим старый храм, построим новый.

ОН (*с улыбкой*). Новой веры? Сейчас я привяжу тебя к батарее, и ... ОНА. Что? Будем снимать кино?

ОН. Нет, будем устраивать экзекуцию.

ОНА. Валяй. (*Принимает соответствующую позу*).

ОН. Прекрати. Иначе, и я не шучу, ты будешь мыть окна в этом отеле, дочь моя, и выпадешь вниз, случайно потеряв ориентацию.

ОНА. Какую такую ориентацию?

ОН. В пространстве.

ОНА (*пишет*). Сексуальную ориентацию в пространстве. Действующие лица и исполнители. Крёстный отец. Его юная жертва...

ОН. Его крёстная дочь.

ОНА. Да, Святой Отец.

ОН. Святой отец ждёт тебя в церкви, куда ты собираешься въехать на танке.

ОНА (*деловито*). Порнография?

ОН. Эротика.

ОНА. Надо, чтобы была православная эротика, поскольку уже есть православный рок. Нужен - отец настоятель.

ОН. Будет тебе отец-настоятель.

ОНА. Он все сделает, как надо?

ОН. Да, он все сделает, как надо.

ОНА. Вы с ним что - одноклассники?

ОН. Почему, черт возьми, мы должны с ним быть одноклассники?

ОНА. Я просто спросила.

Вновь за окном слышны завывание кота.

ОН. Но нет, это должно когда-нибудь кончиться? (*Делает рывок к окну, но ОНА его останавливает.*)

ОНА. Ты не любишь кошек.

ОН. Терпеть не могу.

ОНА. Ну да, ты же собачник. Специалист по фокстерьерам. могокан. И у тебя такое страшное оружие. Ты так любил им раньше хвалиться.

ОН (*обнимает ее*). Я и сейчас люблю.

ОНА. Кажется, его зовут "ТИГР".

ОН. Да. Его зовут "Тигр"

ОНА. Но тигр ведь - кошка?

ОН. Тигр - кот.

ОНА. Кот - калибра 7,62мм под трехлинейный патрон – 57мм.

ОН (*поражен*). “Откуда вы могли”?

ОНА. “Доносит ветром”. Значит, к котам ты относишься лояльно, не любишь только кошек (*сверкает зелеными глазами*).

ОН. Ты меня поражаешь, девочка.

ОНА. Да все очень просто - я прочла это на коробке из под твоих этих патронов.
Бедные коты.

ОН. Я люблю собак за их узкую специализацию. Был бы какой-нибудь узкоспециализированный кот, я бы его простил. Но собак и люблю - рабочих, которые знают свое дело.

ОНА. Кошки твои, - рабочие.

ОН. Которые?

ОНА. Порнозвезды. Но коты тоже знают свое дело.

ОН. Это уж точно.

ОНА. Они ловят крыс.

ОН. Этот, за стеной - никаких крыс не ловит. Просто себе орет.

ОНА. Тот, за стеной - не простой кот.

ОН. А какой?

ОНА. Классный.

ОН. Вы что же с ним - знакомы?

ОНА. Своего я узнаю по голосу.

ОН. По голосам узнают гончих. А у этого твоего кота - не голос, а...

ОНА. Да, правда, этот кот - мой. И будет он со мной . (Целует ЕГО в нос).

ОН. Постой, ты хочешь его украсть? Похитить этого сраного кота?

ОНА. Нет, он сам придет.

ОН. Черта с два. Его хозяйка его водит на "золотой цепи". Я видел. Здоровый, черт. Черный, с огромными желтыми глазищами. Такими, как у тебя. Холеный, жирный. Бестолковый.

ОНА. Э, нет. Ты ничего не знаешь про этого кота.

ОНА. Основа его меню - человеки. Расскажи мне о своем друге.

ОН. У него - в деревне приход. Его постоянно все обманывают и обворовывают. Но когда он служит, то сходятся люди с соседних деревень.

ОНА. Полюбоваться на этого твоего святого друга.

ОН. Н-да. Святого отца-настоятеля. Он одержим новой русской идеей, он хочет согнать к себе в деревню мастеровитый православный люд, и построить новую утопию.

ОНА. Он верит в Бога?

ОН. Он ВЕРУЕТ.

ОНА. Как интересно. А он женат?

ОН. Какая разница? Нет.

ОНА. Ой, как интересно. Выйду за него замуж, и стану попадшей. Интересно, как этот человек дошел до жизни такой?

ОН. Достаточно стандартно.

ОНА. Не знала, что существует какой-то стандарт.

ОН. Существует схема. Вероятно, нужен стресс. В милицию люди идут работать либо за взятками, либо о обиды на какую-нибудь шпану. Бабы - те, по-моему, на 90 процентов - жертвы насилия.

ОНА. Твой поп, что - жертва насилия?

ОН. Мы все - жертвы насилия.

ОНА. Ах, как картинно. А как вы познакомились?

ОН. Очень просто. Сначала он танцевал в стриптиз-баре, потом он снимался в моем кино.

ОНА. Вот это да. Наверное, он отдавался богатым бабкам за бабки.

ОН. А что? Думаешь, такого не бывает? В этой жизни все бывает. Даже то, чего не может быть.

ОНА. *(ласкает его)*. Ты - мой крестный отец. И я горжусь тобой.

ОН. А я - тобой, дочка. Ну что - едем?

ОНА. Подожди. Надо все основательно обдумать. На чем мы поедем?

ОН. Поскольку "Кавасаки" с люлькой у нас нет, танка тоже, то поедем на моей машине. Бог мне тебя послал, птичка божия. Я давно собирался к нему сорваться, но что-то меня останавливало - в основном эти дурацкие дела. А теперь - с этим покончено девочка моя. Мы окрестим тебя у моего святого отца, мы будем строить комунну, охотиться, носить простую, чистую одежду, по утрам ты будешь стирать, по дням - полоскать. По вечерам мы будем употреблять нормальную, вкусную, здоровую пищу, будем кормить младенцев из соски, а когда у нас кончатся деньги, мы плюнем на то, что они кончились - потому что к этому времени мы уже будем другими, мы очистимся, у нас не будет никакой светской музыки, святой отец по вечерам будет читать Евангелие, и пусть звучит музыка сфер.

(Она ему аплодирует, он ей кланяется).

ОНА. А зверушки? Тебе не жалко их убивать?

ОН. Я не буду убивать зверушек - черт с ними, пусть живут, будем возделывать землю и рыбачить.

ОНА. А этот твой - бывший порноисполнитель, а нынешний отец-настоятель, чем будет заниматься?

ОН. Богу будет молиться.

ОНА. Послушай. А он имеет на это право?

ОН. Каждый имеет на это право.

ОНА. И даже ты?

ОН. И ты, и я.

Окно распахивается - врывается ветер, треплет занавеску. Опять орет кот, вновь ОН предпринимает какие-то недейственные порывы к его ликвидации, однако КОТ является

САМ - он прыгает с подоконника, проходит у НЕГО между ног, как будто ЕГО нет, и прыгает ЕЙ на руки, ласкается.

ОН. Скормлю собакам (*трижды сплевывает через левое плечо*).

ОНА. Это я скормлю ему твоих вонючих собак.

ОН. Они сожрали таких котов - штук пятьдесят. Один раз я спал пьяный в машине, и они, что бы сделать мне приятное, устлали мой хладный труп черными кошками. Знаешь, сколько их было?

ОНА . Знаю.

ОН. Сколько?

ОНА. Двенадцать.

ОН. Откуда ты знаешь?

ОНА. Двенадцать - магическое число Раймонда Луллия. Это кажется, был любимый персонаж твоего Дали.

ОН. Но Раймонд Луллия так и не нашел это магическое число.

ОНА. Значит, оно известно всем, кроме твоего Раймонда Луллия.

Вспомни изображение алхимического дерева, на котором 12 ветвей символизировали 12 "Великого Делания" - приготовления философского камня. Теперь убедись в бесконечной магии числа - 12 знаков зодиака и 12 месяцев года; 12 ветхозаветных сыновей Иакова и 12 апостолов Христа; 12 часов в сутках у древних народов и 12 животных восточного календарного цикла рыцарей круглого стола и 12 ученых мужей (каждому рыцарю - по мужу); 12 разбойников в изгнании в песне о Кудеяре и 12 богов - олимпийцев; 12 колонн в храме Карнака и 12 могучих титанов и титановых братьев и 6 сестер), и, наконец, запрещенная церковью древнерусская брошюра "Чаровник" описывает 12 превращений оборотней в зверей (у героини русского фольклера Бабы Яги было двенадцать мифических животных); 12 же ступ, ухватов, и поела она 12 Иванов - дураков - подряд, составляя у себя в сарае из 12 ступ одну, дьявольскую*); и, наконец, на двенадцатом стуле посланец сатаны попытался умертвить воина-комбинатора, и тот после этого воскрес самым чудесным образом, ибо побывал там, откуда возвращаются, и укрепился там духом. А 12 злобных зрителей на MTV! Да мало ли еще чего 12!

Вот тебе самый последний факт магии этого вселенского числа: ровно 12 дней находился в дороге водитель грузовика из Австралии Билл Морган, после сначала автокатастрофы, потом - инфаркта, потом - последующей аллергии на анестезию. Потом он вдруг ожил, за него вышла замуж любимая девушка, выиграл лимузин за 17 тысяч долларов, а потом выиграл 250 тысяч на телевизионном шоу, и выиграл еще и лотерею - тетенька, которая собственными руками передала ему этот билет, потом повесил его на стену неудачно - вверх ногами.

Кстати, 12 же ноября 1905 года морской министр Бирюлев получил от `телеграмму от командира черноморского флота, вице-адмирала Чухнина о том, что "...матросы овладели дивизионом в соответствии с положением дела..."; а месяцем раньше она получила письмо от лейтенанта Шмидта датированное 12 октября, в котором Петр Петрович в первый и последний раз в жизни назвал ее ласковым именем "умница". "...Вы умница, Зинаида Ивановна, - писалось в этом любовном послании. - *Добрая, хитрая умница!*"

ОН. Ты умница, девочка. Ты, наверное, или ведьма, или хорошо училась в школе.

ОНА. Я вообще не училась в школе.

ОН. Как - совсем?

ОНА. Нет, вовсе. Я родилась и выросла на острове, где не было электричества, ходила по лесу, пасла скотину и смотрела на звезды.

ОН. А что ты там ела?

ОНА. Мясо.

ОН. Значит, ты - ведьма.

ОНА. А ты не знал.

ОН. Предчувствовал.

Из окна доносится все тот же малоприятный женский голос

ГОЛОС (*из окна*). Марсик! Марсик!

(Кот не реагирует).

ГОЛОС (*из окна*). Марсик! Марсик!

ОН. Отпусти кота - тетка свихнется.

ОНА. Нет. Этой мой кот.

ОН. Отпусти его. У меня на него аллергия. (*Дотрагивается до ее руки, КОТ на него шипит*).

ОНА. А у него, как видно, аллергия на тебя. Не трогай его - останешься без руки. Этот кот пришел ко мне, и у он у меня останется.

ОН. Она умрет без этого кота. Бедная, бедная тетка.

ОНА. Ну и пусть.

ОН. Давай тогда отдадим его одному моему знакомому дрессировщику, у него недавно трагически погиб точно такой же кот.

ОНА. А что с ним стало?

ОН. Выбросился из окна. Вернее, это дрессировщик его выбросил, - они вообще друг друга стоили. Пришлось дострелить в реанимации.

ОНА. Кота?

ОН. Дрессировщика! Но это - совсем другая история.

ОНА. Ты что-то совсем разволновался.

ОН. Да! Нет выхода моим желаньям. Я хочу выбросить этого твоего кота из окна. И он не выживет - смотри, у его кривой хвост, он загнут у него, как у лайки, он не сможет рулить им в воздухе, он войдет в грутой штопор, он разобьет себе башку, о Боже, у меня начинается на него аллергия, я задыхаюсь, "что-то воздуху мне мало, ветер пью, туман глотаю, чую с гибельным восторгом...."

ОНА. И пропадешь. И еще одно слово, и ты будешь, как "тот солдат, что спал на ложе Клеопатры".

ОН. Девочка моя! Даже если бы у меня каждую следующую ночь вырастало по голове, все равно бы их не хватало, если бы мне столько раз ее рубили бабы.

ОНА. Вранье. Если бы тебе срубили голову, то у тебя б ее не было.

Из окна слышен истошный вопль, быстро ударяющийся вниз, затем раздается характерный шлепок тела об асфальт.

ОН. О, господи. (*Бросается к окну, смотрит вниз.*) - Этого не может быть.

ОНА. Ты же только что сказал, что в этом мире может быть все.

ОН (*срывается*). Да выброси ты этого вшивого кота, черт бы тебя не видал! Я же тебя предупреждал!

ОНА. О чем это?

ОН. Что у меня на котов аллергия! Отпусти его, пусть прыгает за ней. Пусть он сгинет, этот черт.

ОНА (*смеется*). Но послушай, папик ты мой крестный. Ты же сам этого хотел.

ОН. Чего?!

ОНА. Что б эта тетка крякнула.

ОН. Я?! Видит Бог, я этого не хотел.

ОНА. Врешь. Ты еще вчера вечером сказал - хоть бы она выпала из окна.

ОН. Я не мог сказать такую глупость. Ну хорошо, черт с тобой, сказал, но все так говорят! Я был в состоянии аффекта!

ОНА. Да что ж ты так орешь, люди соберутся.

ОН. Они и так скоро соберутся.

Из окна слышен гул шумящей толпы.

ОН. Вот, я же тебе говорил. (*Осторожно выглядывает, обернувшись в занавеску*).

ОНА. Смотри не выпади!

ОН (*едва не падает, отшатывается от окна*). И смех и грех. Прямо, как у Даниила.

ОНА. Архангела?

ОН. Архангела звали Михаилом. Папа Григорий Великий как-то видел, как тот засовывал окровавленный меч в ножны, и вещал : "Богородицы дева радуйся, чума остановилась".

ОНА. Крестный?

ОН. Римский.

Из окна слышны еще несколько падающих старушечьих воплей.

ОН. Вот, черт.

ОНА (*ласкает кота*). Не кличь чертей, мой крестный папа.

ОН. Да пошла ты.

ОНА. Аккуратней, папик. Поехали - к чертовой матери - креститься.

ОН удаляется в душ, она подходит к двери, ласкаясь с котом - у них идиллия.

ОНА (*коту*). Он не знает, по каким ты ходишь крышам, мой славный Шабаш. Мой черный Марс. (*Осторожно прикусывает его за ухо, тот в восторге - мурлычет.*)

ОН (*из-за двери, фыркая и плескаясь*). С кем это ты там?

ОНА. С Марсиком.

ОН. Когда я выйду, что б этого чертова кота здесь не было.

ОНА (*Коту*). Ты слышал, милый? Да кто он такой? Может, ловил бы он каких-нибудь серых мышей, цены б ему не было. А то ведь он даже грибов не маринует. Да если б он и ловил, мариновал, он же мне не отец, и никогда им не будет. Правильно?

ОН (*из-за двери*). Девочка, я выхожу через десять секунд. Бодрой, пружинистолй походкой...Раз...Два...Вот оно, мое большое белое махровое полотенце...Три...

ОНА. Осторожно, дорогой...

ОН. Я тебе теперь - не просто дорогой, дочь моя. Я тебе теперь - почти что папа.

ОНА. Осторожно, мой почти что папа, ты там наверняка разлил лужу - не поскользлись - здесь ужасно скользкие...

Слышен страшный звук падения, бьются какие-то стекла, раздается матерная ругань.

ОНА. (*Коту*) Ничего, ведь я этого достойна? (ОН, *дико хромя, "выгребает" из ванной*). Ой! Золотой мой! Яхонтовый! Что с тобой!

ОН (*корчась от боли*). Ничего. Я кажется, сломал ногу.

ОНА. Да ничего ты не сломал.

ОН. Опять этот чертов кот?

ОНА. Да все у тебя в порядке. Перелома нет. Сейчас все пройдет, папик. Надо просто быть чуточку осторожней. Правда, Шабаш?

ОН. Как ты его назвала?

ОНА. Его так зовут.

ОН. Его зовут Марсик.

ОНА. У дьявола много лиц. Марсом его зовут, а фамилия у него - Шабаш. Если у каких-то поганых, старых, некрасивых котов бывает имя и фамилия, то почему же у такого красавца не может быть фамилии?

ОН. В таком случае - у него должно быть и отчество.

ОНА. Оно у него есть.

ОН (*борется с болью, как только может*). Какое? Какое у него отчество, черт вас всех подери?

ОНА. Хусейнович. А тетки, этой ненавистой тетки, ее уж с нами нет. Правда, Хусейнович?

КОТ. Мяу.

ОН. Он что-то сказал?

ОНА. Да. Теперь-то ты знаешь, кто сказал "мяу". Он простился с этой стервой без сожаления.

ОН. О покойницах так говорить грешно.

ОНА. А о живых? Ты всю ночь называл ее стервой.

ОН. Только в связи с этим чертовым котом.

ОНА. Не смей наезжать на моего кота. Бери, бери его с собой. Мои собачки сожрут его. Они умудряются снять кота даже с дерева.

ОНА. Твои фокстерьеры - дети, по сравнению с этим котом.

ОН. Увидим.

ОНА. Посмотрим.

Спускает кота с рук - оба идут в ванну - кот впереди, ОНА - позади. Заходят, закрывают за собой дверь.

ОН. Черт знает, что такое. (*Выглядывает.*) Ого. (*Ковыляет к двери*). Доченька моя! Сейчас приедут представители власти. Линяем.

КОТ. Мяу.

ОНА. Тихо, мой маленький котик. Мур-мур. Сейчас я вымою тебе твою черную шерстку, и ты будешь пушистый, как никогда.

ОН (*занимается со своей ногой*). Зачем ты заперлась?

ОНА (*из ванной*). Отвянь.

ОН. Покинем отель, детка. Поверь мне, так будет лучше. И для твоего Шабаша - Марсианина.

ОНА. Не кличь марсиан - мне нет до них никакого дела. Все мои дела - на земле.

Дверь ванной комнаты открывается - впереди выходит мытый, огромный, нахальный черный КОТ, за ним - ОНА. Она одета в походный военный камуфляж, высокие сапоги и военную фуражку, в руках несет портативный компьютер. ОН - по прежнему в полотенце, завязанном на голой заднице. ОНА гордо выходит из номера, закрывает за собой дверь - из окна слышен новый истошный вопль - где-то вдалеке падает еще одна старуха. ОН прыгает на одной ноге к окну, выглядывает, словно депутат в Московском Белом доме, когда туда подкатили президентские танки.

На шорох возвращается КОТ, загоняет ЕГО в ванну, слышен хруст перекусываемых хрящей, сопровождаемый новым воплем, только на этот раз мужским, характерных для большинства кастрируемых.

Через мгновение из ванны выходит КОТ, держа в зубах нечто фаллосообразное, вышибает дверь, уходит.

Картина вторая "Кардинал, кардинал"!

1934 г., дерево, масло, темпера; 16 X 22 см. Институт Мэнсона Уильямса Проктора, Нью-Йорк.

Марко ди Капуа так писал об этой картине:

"Еще один из совершеннейших шедевров Дали, где угол развалившейся стены разделяет пространство, в котором живопись повсюду демонстрирует богатство своих возможностей, воспроизводя все с ужасающим фотографическим буквализмом. Но вдруг: то ли возникает "осечка", то ли срабатывает "фотовспышка" и на лице женщины начинают рождаться формы, контуры, тут же исчезая, перемешиваясь, сливаясь с фоном, словно маскируясь".

Здание православного храма - фрески замазаны, идет вялая реставрация. По храму прогуливаются ОН и ОТЕЦ СЕМЕН. Он сильно хромот, его нога в гипсе, повязка наложена то ли небрежно, то ли необычно: словно это борцовский бандаж из тех кровавых стилей, где можно бить по яйцам.

ОНИ беседуют.

СЕМЕН (с подозрением смотрит на всего загипсованного друга). Что с тобой?

ОН. Голова болит.

СЕМЕН. А чего ж...

ОН. Сползла.

СЕМЕН. Чего такой опухший?

ОН. Да ты что, я ж только приехал. Какая красота! Прости, Господи.

СЕМЕН. За что ж прощать?

ОН. За мысли.

СЕМЕН. О чем?

ОН. Не спрашивай.

СЕМЕН. Скоро здесь будет по-другому. Оживут старые фрески, прихожане подарят свои чудотворные иконы, приедут реставраторы, и эти забытые места станут посещать Архангел.

ОН. Который?

СЕМЕН. Михаил. Закладывающий окровавленный меч в ножны, и вещающий с облака "Богородицы Дева радуйся, чума остановилась".

ОН. Прости, Господи.

СЕМЕН. Да за что?

ОН. Я-то думал - Гавриил. Мысли. Недозволенные думы, святой отец. Я всю жизнь пытаюсь научиться выгонять из чердака свои дурацкие идеи, которые есть - воображение, а оно, как известно - враг дзена.

СЕМЕН. Ты что, буддист?

ОН. Я - урожденный далианист.

СЕМЕН. Это нехорошо. Ты живешь в России, значит должен быть православным христианином.

ОН. Дали лоялен.

СЕМЕН. Все равно.

СЕМЕН. Вот за это и получаешь.

ОН. А чего это я такое "получил"?

СЕМЕН. Ты постоянно наказан.

ОН. Я?!

СЕМЕН. Ты.

ОН. Интересно, за что?

СЕМЕН. За грехи.

ОН. Извините, святой отец, я не то хотел сказать. Я просто не понимаю, каков критерий этого самого "наказания"? Руки на месте, ноги, голова, все такое.

СЕМЕН. У тебя загублена душа.

ОН. А у кого она не загублена? Может быть, у тебя?

СЕМЕН. На мне - благодать.

ОН. Чего на тебе?!

СЕМЕН. Благодать. Я молюсь за тебя.

ОН (*кисло*). Спасибо. Помолись лучше за мою крестную дочь - она, между прочим, ведьма.

СЕМЕН. Зачем же ты ее сюда привез?

ОН. Ни хрена себе, прости Господи. Выгонять, наверное, бесов, вот и займись.

СЕМЕН. Кто она тебе?

ОН. Она мне, прости господи, любовница, пожелавшая стать моей крестной дочерью. Такие вот, с позволения сказать "реформированные" узы у вас тут лечат?

СЕМЕН. Не богохульствуй.

ОН. Слушай, хватит мне голову морочить. Я-то тебя видел и без бороды, и без рясы, а совсем наоборот - в набедренной повязке. У тебя ничего не было, и ты был счастлив, как папуас - потому что свободен. А теперь, видишь, у тебя хозяйство, и ты

возгордился. Вознесся, так сказать, над бранным. Нет, я все понимаю, лечи народ дальше. Только не при мне, я к тебе приехал не на исповедь, а совсем наоборот - отдохнуть, и , вон, дочурку окрестить. Займешься?

СЕМЕН. Нет.

ОН. То есть как? Ты мне откажешь, в такой, с позволения сказать, пустяковой просьбе? То есть ты не можешь для меня, своего друга, который тебя выволок из этого стриптизбара, снял в порнографическом кино и обратил в веру, окрестить дочь?

СЕМЕН. Она тебе не дочь.

ОН. Ну, в смысле, любовницу?

СЕМЕН. Извини, выйди, мне надо помолиться.

ОН явно едва сдерживает себя, что бы не выматериться, оглядывает стены, крестится, долго шарит за пазухой, находит свой нательный крест, трижды его целует.

(наблюдает за другом). Вот это хорошо.

ОН *(выуживает из одного из многочисленных карманов своей охотничьей куртки карманный Евангелие)*. Между прочим - вот. Читаю постоянно.

СЕМЕН. Где?

ОН. В смысле?

СЕМЕН. Где читаешь?

ОН. В метро. В общественном, так сказать, транспорте.

СЕМЕН. Вот видишь. В суе. А почему ты едешь на метро, у тебя ж машина?

ОН. Потому что, если я не буду снимать свою эту долбаную порнуху трезвым. *(Вновь крестится.)* Прости, Господи мя, червя, раба, и т.д. То я заработаю себе инфаркт.

Пауза. Отец Семен изумлено вглядывается в глаза ЕМУ.

СЕМЕН. Как ты можешь?

ОН. Произошла катастрофа, так что уже не могу. Хоть и с девушкой приехал.

СЕМЕН. Я говорю о твоём вопиющем богохульстве. Она у тебя снимается? Тоже, как и все остальные, как их там, нуддистки?

ОН *(изумленно смотрит на Семена)*. Почему обязательно нуддистки, голые бабы, и все. У тебя что же это, память отшибло?

СЕМЕН *(игнорирует реплику)*. Ну а ОНА, тоже, по выражению твоему. Голая баба?

ОН. Нет. Она у меня не снимается. Я не сплю с теми, кто у меня снимается, возраст не тот. Я, как и Дали люблю элегантных женщин, а в эротике снимаются только красивые. И если бы она у меня снималась, я бы не привез ее к тебе крестить.

Все, что происходит в нынешнем моем положении, очень серьезно, дорогой святой отец. Ибо когда ты начинаешь ненавидеть окружающих тебя женщин настолько, что мечтаешь в этой жизни лишь о нескольких лицензиях на отстрел, а потом тебе снится, что ты привязываешь либо тещу к жене, либо жену к теще, а следствие по этом делу запутывается и разваливается, то всегда появляется вот такая жуткая погибель – с зелеными глазами.

Ее посылает тебе – САМ.

СЕМЕН. Кто – “сам”?

ОН. Дьявол, дорогой мой. Дьявол. Но поскольку ОН действует с божьего попущения, то и любовь – подарок с небес. Так что приходится воспринимать все это, как свалившееся на твои плечи безумное счастье – потерять покой. А стало быть – и волю.

Она берет тебя живьем, она проникает в твое сердце, она забирает себе оставшуюся часть тебя. И вот тебя уже нет, и вот ты – труп в ее ведьминских руках. И вот она устраивает вокруг тебя вселенский шабаш.

СЕМЕН. Слушай, тебе не надоел этот твой сатанинский промысел?

ОН. Надоел. Скажи больше: мне этот сатанинский промысел во где.
(Показывает.)

СЕМЕН. Ну так брось его.

ОН. Брошу. Если ты мне в этом поможешь.

Пауза. Отец Семен разворачивает ЕГО к себе, крестит.

СЕМЕН. Конечно, я помогу. Я буду молиться за тебя. Только тебе сначала надо исповедываться.

ОН. Хорошо, давай сейчас, а потом перейдем к сути дела.

СЕМЕН. Нет, сейчас нельзя, завтра утром.

ОН. Завтра утром я уже помчусь в район звонить продюсеру, что ты меня спас, и что хвала тебе, святой отец - от всего порнобизнеса возрождающейся России. Есть дела в районе? Могу свозить - встретиться с твоими, как их, лесниками и подрядчиками. И заодно посмотреть, что б тебя не кинули.

СЕМЕН. Спасибо, не надо. (Отходит от него.) В чем суть дела?

ОН. Я хочу снять нормальный, полнометражный, самое главное - вслушайся - непорнографический фильм. Лучшие силы МОСФИЛЬМА - те же самые, что снимали у меня порнуху, будут снимать НЕПОРНУХУ - здесь.

СЕМЕН. Где?

ОН. В подотчетном тебе храме. Слушай, и не перебивай. Я с детства мечтал снять фильм по собственному сценарию о Великом Мастурбаторе, о Великой Куртизанке своей эпохи (его и так называли - завистники), о Сальвадоре Дали Каменеч Куси Фарресе - я вырос на его параноидально-критической методе, и мне все его якобы безумные экзерсисы более или менее понятны.

Понимаешь, МЕТР не дожил до времен, когда компьютер может оживить его гениальные полотна, особенно тех, в которых чисто религиозные сюжеты.

СЕМЕН. От меня ты чего хочешь?

ОН. Я хочу, чтобы стены твоего замечательного храма расписали с картин Дали. Вот смотри.

ОН начинает ходить по зданию церкви, вода за собой отца Семена, и показывая ему план ростиси.

Здесь - в той стороне купола, - "Искушение святого Антония" - моя любимая картина. Эта картина была написана для конкурса, объявленного Албертом Левайном, связанного с экранизацией "Милого друга" Мопассана. Но победа тогда досталась Макс Эрнсту, хотя его Антоний - тоже интересен, но по сравнению св. Антонием Дали - св. Антоний Эрнста - полное говно.

СЕМЕН. Не богохульствуй в Храме.

ОН. Пардон, пардон. Вон там - будет стоять на левом колене святой Антоний - с голой задницей, и станет отпугивать своим наскоро смастеренным крестом этих невероятных слонов Бенини, которые везут на своих кривых хребтах ему женщину - вот с такими титьками, пардон, бюстом.

Далее! Вон там - Христос святого Хуана де ла Крус. Дали говорил:

"Когда, благодаря отцу Бруно я смог увидеть, и, по его наставлениям, всмотреться в образ Христа, запечатленный в экстазе святым Хуаном де ла Крус, я обнаружил, что геометрически он сводится к треугольнику и к окружности, которые образует фигура. НО это был "эстетический" итог и всех моих прежних исканий...И я поместил моего Христа точно в такой же треугольник..."

СЕМЕН. Послушай меня....

ОН. Нет, нет, сначала - проект, смета, дебит, кредит, человек человеку - спонсор и т.д.

"Я поместил моего Христа в точно такой же треугольник."

СЕМЕН. Треугольник? Масонский знак.

ОН. Никакой не масонский - обыкновенный треугольник - символ триединства - Отца, Сына и Святого духа. Аминь. Далее - вот здесь - картина пятьдесят четвертого года -

"CORPUS HYPERCUBYS" - "Распятие" - кубическое решение такого же полета на кресте, то бишь - вознесения.

Знаешь, что Дали никогда еще так педантично не летописал процесс своей работы над картиной?

(Цитирует на память.) "4 сентября мне неожиданно удастся написать грудь, в Corpus hypercubys еще лучше того, что я надеялся...11 сентября работаю над левым бедром. И оно еще раз, подсохнув, выдает пятно..."

СЕМЕН. Опять - порнография... Ты без этого не можешь.

ОН. Дорогой, весь мир - сплошная порнография, купи себе ящик, и послушай новости.

СЕМЕН. Эти новости меня не интересуют.

ОН. А что ты читаешь?

СЕМЕН. Святых Старцев.

ОН. Среди всех твоих старцев Дали - самый святой, потому что никогда не врал, что знает, как обрести веру. К тому же еще не трус: он в тридцать седьмом написал свою "Загадку Гитлера", предсказывающую его смерть, а в тридцать третьем того, кто поставил раком столько твоих братьев по ладану, а именно Ульянова (Ленина). Его Дали выписал с трехметровой, понимаешь, жопицей!

СЕМЕН. Не богохульствуй!!!

ОН (*моментально успокаивается*). Понял. Движемся, однако, дальше. Снизу на кубическое распятие взирает Гала Дьяконова.

СЕМЕН. Елена.

ОН. Молодчина! Значит, еще не совсем, прости, прости... Но она была вовсе не святая, сука она была, ведьма, прости Господи, так что мы ее выписывать не будем. Хотя нет, это будет неуважение к Гению.

СЕМЕН (*многозначительно*). Ведьмы заставляют человека блуждать. Они сбивают его с пути.

ОН. Правда? Ну что ж, если они сбивают его с пути, значит, путь его - несправедливый. Я так понимаю, праведный путь охраняется ангелами?

СЕМЕН. И искушается дьяволом.

ОН. Вот, бля, и полемика! Ты меня уговорил - ежели Гала не сбивала Дали с пути, а наставила его, значит они никакая не ведьма, а мадонна. Значит, где-нибудь в стороне от купола пишем "Вознесение богоматери"!

" Вознесение - это кульминация женской воли к власти, в ницшеанском смысле этого слова: супер-женщина поднимается на небеса мужественной силой своих антипротонов."

Атипротонов, святой отец! Конкуренты...

СЕМЕН. Что. Померкнут?

ОН. Да. Померкнут глубоко в жопе.

СЕМЕН собирается возмутиться, но ОН, как бы не замечая его намерение, отстраняется, и встает в центр сцены.

А вот здесь - в пространстве этого замечательного купола твоего неповторимого храма (теперь уже - по совместительству - искусств), наши замечательные настенные живописцы распишут нам "Тайную Вечерю". Дали, да будет тебе известно, потратил около трех месяцев на работу. Он называл это полотно "космической космогонией", основанную на величии числа... Какого бы ты думал?

СЕМЕН. Тринадцать.

ОН. С чего ты взял?

СЕМЕН. Сатанинское число.

ОН. Ну, как же? А апостолы?

СЕМЕН. Предатели.

ОН. А Иисус? Он был, случайно, не тринадцатым?

СЕМЕН. Он был один.

ОН. Значит и число дьявола – 12. И ведьмы апеллируют к нему. Представляешь, у тебя здесь уникальный случай - весь твой купол - это готовый пятиугольник. Он вмещает в себя микрокосмического человека - Христа. Того, кто был один, и кого сдали – за 30 серебряников.

СЕМЕН. Христа - что?! Какого Христа?

ОН. Спокойно! Это твой любимый Лорка поведал Дали, что апостолы симметричны, словно крылья бабочки.

План росписи тебе ясен?

СЕМЕН. Ну, и зачем мне все это.

ОН. Пока я тебе скажу, зачем все это нужно мне. Всю остальную часть храма мы запарим голубой драпировкой, и наши компьютерные гении создадут готовый библейский мотив Вознесения - то есть мы осуществим мечту Дали - и да свершится то, о чем он предсказал нам, червям мира сего.

СЕМЕН. Что же он предсказал?

ОН. Что он вернется - накануне Второго Пришествия. Второе Пришествие - на носу, а исполнители воли Гения - вот они - мы. Так что ты убиваешь двух зайцев - получаешь на халяву всю роспись, прославляешься,ходишь в историю, как христианский подвижник, и реформатор православной веры. То есть кладешь старую Византию под новый Рим. Или ставишь ее, прости господи, раком. В крайнем случае - боком. Как план?

СЕМЕН. Никакого плана. Ты сумасшедший. Тыходишь в Храм, и вместо того, чтобы исповедываться. Скачешь тут, материшься и опять поешь про свои бедра и грудь...

ОН. Не мои, а Христа.

СЕМЕН. Замолчи! Ты даже не представляешь, что такое говоришь!

ОН. Ах, да, извините. Я распугал ангелов, простите, святой отец. Ну хорошо, а кроме всего этого мракобесия, есть еще какие-нибудь доводы? Ты хочешь, что бы твой храм так и пребывал в этом дурацком развале, только для того, что бы ты и еще пара

бабок здесь чувствовали "сухо и комфортно"? Но извини, здесь не сухо и не комфортно. Здесь холодно и тоскливо.

СЕМЕН. Этот Храм - мой крест.

ОН. А ты что, Иисус? Нет, дорогой, ты не Иисус. Ты просто ловишь от всего этого свой персональный кайф. Это, наверное, приятно, когда по праздникам со всей округи стекается пьяный люд, и все по очереди прикасаются к твоим чреслам.

СЕМЕН. Что?!

ОН. Прости, в голове вертелось. Летопись Дали: "Вечером пишу то, что набросал вчера, то есть повязку, прикрывающую чресла". Я так понимаю, когда тебе целуют руку, ты ее держишь недалеко. Тебя это не смущает?

СЕМЕН. Вон отсюда.

*Железная дверь Храма со скрипом отворяется, входит
ОНА, прижимая к груди своего огромного черного кота - кажется, он стал
еще больше и жирнее.*

ОНА. О, отцы. Привет. (*Подходит к Семену, щупает его за подол сутаны.*) Вы не из модельного бизнеса?

ОН. Да нет, это ж православный поп.

СЕМЕН (*явно смущен*). Отец Семен.

ОН. Святой отец!

ОНА. А я вон его крестная дочь. (*Показывает на НЕГО.*)

СЕМЕН. Мы тут беседовали...

ОНА. Да, да. Я поняла. Все под большим вопросом. Ну что ж, так и останусь всю жизнь кандидаткой. Тут у вас рядом кладбище.

СЕМЕН. Погост.

ОНА. Не поняла, простите...

ОН. Погост - это на сельском диалекте - место, где содержат покойников. Кладбище, по-нашему, по богемному.

СЕМЕН. Пойдемте отсюда.

ОН. Подожди. Если женщина есть, значит это кому-нибудь нужно?

ОНА. Ой, а можно посмотреть. (*Проходит, отпускает кота, оглядывается по сторонам, прыгает, хлопает в ладоши.*) Какая красота!

СЕМЕН. Прикройте голову.

ОНА. А зачем?

СЕМЕН. Так принято. Долго объяснять.

ОН. Прикрой, девочка. Он просто ни хрена не знает, почему женщина в православном храме должна ходить с покрытой головой.

ОН, прихрамывая, направляется к НЕЙ, снимает у себя с шеи платок, вяжет ей на голову.

ОНА. Спасибо, папа.

ОН (*храмает вокруг НЕЕ, что-то судорожно соображает*). Вылитая Гала.

ОНА. Кто?

ОН. Неважно.

СЕМЕН. Пройдемте в дом, там тепло.

Отец Семен становится в угол у алтаря, начинает молиться.

ОН (*глядя на Семена*). Никто не может определить эту грань.

ОНА. Какую?

ОН. Мрака и света. Если под мраком подразумевать то, чем я в этой жизни занимаюсь, то позиция отца святого - светла. Если я вращаюсь в кругах, называемых светскими - то все это - мрак. То есть данное состояние святого отца Семена может считаться - чистым мракобесием, в его византийском варианте. Короче, где она, вера, которую всегда так желал обрести Метр?

СЕМЕН (*вконец путается*). Какой еще "метр"?

ОН. Дали. Кладбище, рядом - погост, там живут души тех, кто здесь, в этом самом храме причащались. Странно.

СЕМЕН (*слушает*). Господи, прости его.

ОН. Интересно, за что?

ОНА. Не за что?

ОН. Тебя вообще - не спрашивают.

ОНА. Ты - никто, чтобы со мной так разговаривать.

ОН. Это - точно. Нас, похоже, окрещать не будут.

ОНА (*Семену*). Правда?

СЕМЕН. Не знаю.

ОНА подходит к СЕМЕНУ, обнимает, целует в губы.

ОН. Детка, здесь нельзя.

ОНА. То есть?

ОН. Здесь нельзя предаться чувственным, так сказать, эксцессам.

ОНА. Это почему? Я же в платке?

ОН. Дело не в платке, детка. Просто, если ты будешь и дальше себя вести, как последняя дура, я тебе не отец - ты мне не дочь.

ОНА. Не смей меня так называть. Себе дороже выйдет.

ОН. Извини.

СЕМЕН (*глядя на них, в неподдельном ужасе*). Вы не спасетесь.

Пауза.

ОН. Это еще почему?

СЕМЕН. Потому что богохульствуете в стенах, видевших кровь мучеников, которым проклятые татары смолу заливали в рот - за веру, за православную веру, это верх кощунства. Вы запустили сюда этого черного кота...

ОН. Тихо, тихо, Семен. Достоевские “Бесы” запускали мышь, так что кот здесь - как раз атрибут борьбы с бесами. ОН, кстати, ловит мышей. Мыши здесь у тебя есть?

СЕМЕН. Вы предаетесь разврату накануне Второго Пришествия, когда начинается новая война - за истинную веру. Когда Землю нашу ждет Великое Сошествие, и спасутся только те, кто раскаялись. Так вот - ты не спасешься.

ОНА. А я?

СЕМЕН (*довольно картинно отворачивается от нее, но потом крестит ее своим нагрудным крестом*). Я буду молиться за вас.

ОН пятится назад, примеряясь на священника с явным профессиональным интересом.

ОН. “Искушение святого Антония”. Чтоб мне издохнуть. Святой отец, вы не хотели бы снова сняться в кино? Извините, я считаю, что это - идея, которую стоит обсудить. За едой и водкой.

СЕМЕН. Ты не смеешь мне предлагать такие вещи. Не заставляй меня выгнать тебя отсюда. Ибо я помню, что ты в свое время сделал для меня.

ОН. И я помню. Как говаривал Великий Мастурбатор: “Художник не тот, кто вдохновляется, а тот, кто вдохновляет”. И еще: “Я христианин и католик, но чтобы быть художником - ни того, ни другого не требуется”.

Я снял тебя в эротическом триллере голым, и, не смотря на все твои колоссальные природные достоинства, я был полный осел. Тебя надо снимать в служебном одеянии, и безо всякого этого “натуралите”, ибо таковая эротика имеет революционный смысл: есть намерение, но оно никак не выражено.

СЕМЕН. Какое еще намерение?

ОН. Ну, как же. Девочка же должна тебе исповедываться. Это значит, что один ты будешь знать о ней все. Я, например, о ней вообще ничего не знаю, потому что знаю - она меня все равно рано или поздно обманет. Я с презрением отношусь к своим сверстникам, которые до сих пор верят женщинам, а потом мрут в нищенстве и от инфарктов. Колумб и Сервантес загнулись в тюрьме – и все из-за баб – голых и одетых. (*Поправляет на себе бинт.*) Как говорил Карл Густав Юнг - древних богов Греции скинули потому что в один прекрасный момент поняли - их боги обыкновенные чурбаны.

СЕМЕН (*сквозь зубы*). Закрой рот.

ОН. Закрыл один такой. Смотри, святой Антоний, не свихнись. Я знаю, что говорю. Поверь.

СЕМЕН (*ей*). Это - правда?

ОНА. Нет. Это - вранье.

Картина третья:

"Содомское самоудовлетворение невинной девы".

1954 год, холст, масло; 40,5 X 30,5 см. Собрание "Плейбой", Лос Анжелес.

"Рог носорога, древнего, ископаемого носорога, - на самом деле рог легендарного единорога, символа целомудрия. Юная дева может прислоняться к нему и забавляться с ним, - это так же морально, как и во времена куртуазной любви."

Сальвадор Дали.

Дом отца Семена. Он прибран с аскетическим достоинством, справа, в углу - ладная печка, прикрытая черной, как будто траурной, занавеской; везде развешаны иконы; в углу стоит импортный телевизор с видеомагнитофоном; присутствует так же аудиоаппаратура; в избе чисто, прибрано.

ОНА стоит напротив СЕМЕНА, держит в руках своего черного КОТА, и молча на него смотрит. СЕМЕН явно смущен, изображает деятельность, - якобы что-то ищет.

ОНА. Святой отец, вам никто не говорил, что вы очень сексуально передвигаете ногами?

СЕМЕН. Говорили.

ОНА. Кто?

СЕМЕН. Поклонницы таланта.

ОНА. Ой, как интересно. А где?

СЕМЕН. В стриптиз-шоу. ОН знает.

ОНА. Вы все время говорите "ОН", словно он - Господь БОГ.

СЕМЕН. Нет, он, конечно, не господь Бог, просто я думаю, один из самых тяжких грехов в этой жизни - неблагодарность.

ОНА. Это - когда снял в своей гениальной порнухе?

СЕМЕН. В эротике.

ОНА. Интересно. А этот грех замаливается?

СЕМЕН. Который?

ОНА. Стриптиз - думаю не грех. Я говорила о неблагодарности.

СЕМЕН. Я думаю, да.

ОНА. А как?

СЕМЕН. Как-как. Молитвами.

ОНА. Значить, все грехи можно замолить?

СЕМЕН. Нет, не все.

Она подходит к нему, лаская кота.

А какие - нельзя?

СЕМЕН. Я не в праве об этом говорить.

ОНА. Почему?

СЕМЕН. Слаб разумом.

ОНА. Странно. ОН говорил мне, что вы обладаете каким-то редким мужским качеством, а каким - не пояснил. Я на это и клюнула.

СЕМЕН (*настороженно*). Что значит “клюнула”?

ОНА. Я не каждому попу дала бы...

Пауза, она явно подбирает нужное слово.

Дала бы шанс.

СЕМЕН. Какой еще шанс?

ОНА. Узнать тайну моей исповеди.

СЕМЕН. Вы можете мне и не исповедываться.

ОНА. Это не обязательно? Перед крещением?

СЕМЕН. Нет. Это личное дело каждого.

ОНА. А если у меня возникло такое желание. Непреодолимое желание исповедаться - именно вам. И никому другому.

СЕМЕН. Почему именно мне?

ОНА. Ну, во-первых, вы друг моего крестного отца, а во-вторых, я думаю, что по-настоящему верить может только тот, кто сознательно отказался от радостей светской жизни. Как любит выражаться наш дорогой порнограф: “Я достаточно ясно выражаюсь?”

СЕМЕН. О, да. Мне надо подумать.

ОНА. Так думайте.

ОН вваливается в избу с мороза, с охапкой дров, где-то в сенях подвывают собаки.

ОН. Ничего, я собачек в сенях поселил?

СЕМЕН. Конечно. Там, в сарае, сено.

ОН. Я уже принес. (*Раздевается*). Ну, посмотрим. Чувствуется рука прихожанки женского полу. (*Бродит по избе, оглядывает обстановку.*) Черт, хорошо. Молодец. (Ей.) Детка, накрывай на стол. Как говорится, вечереть будем.

ОНА. Хорошо, папа.

*ОНА кидает КОТА на пол, тот исчезает, она выходит в сени.
Мужчины остаются одни.*

ОН. Святой отец, ты кажется смущен.

СЕМЕН. С чего ты взял?

ОН. Вижу.

СЕМЕН. Может быть. Слегка.

ОН. Ничего, сейчас сообразим.

СЕМЕН. Я не пью.

ОН. А что? Куришь?

СЕМЕН. Нет.

ОН. Быть не может.

СЕМЕН. Говорю тебе - нет.

Входит ОНА, тащит рюкзак, бросает его на пол, собаки воют.

ОНА. Господа отцы, крестные и святые. Позвольте мне пойти прогуляться.

СЕМЕН. Это невозможно. Там холодно, начинается непогода. И потом, куда вы пойдете?

ОНА. На кладбище. *(Находит где-то на вешалке солдатскую шинель, надевает ее)*. Отец Семен, вы позволите мне ее поносить?

СЕМЕН. Разумеется. Простите, вы сказали - на кладбище.

ОНА. Да. Я вообще по ночам люблю ходить на кладбище.

Там меня ждут друзья – вурдалаки, я им – как мать родная. Да вы за меня не беспокойтесь, дорогие ребята, я ж имею некоторый опыт – очень давний.

ОН *(Семену)*. Да успокойся ты, святой отец, она просто так снимает стресс.

ОНА. Ну конечно! После этой сумеречной городской жизни невозможно жить без сильных ощущений, правда, Семен? Одно время я прыгала с больших высот, с группой мужчин – мы по долгу не раскрывали парашюты, они надувались воздухом, мы плавно приземлялись на бrenную землю.

Но потом...

ОН. Но потом...

ОНА. Я перестала испытывать от этого оргазм, и перешла на...

ОН. Девчонок.

ОНА *(Ему)*. Придурок. *(Семену)*. На полеты с минимальных высоты. Один раз я прыгнула с Останкинской телевышки. Это было, черт тебя возьми, хорошо.

ОН. Да уж, черт тебя возьми...А я в этом время монтировал свою эротичную порнуху, “увидел ее, и погиб”. Самое смешное, что это – правда.

Семен беспомощно смотрит на НЕГО, тот разводит руками, - “такие, мол, дела”.

СЕМЕН. Но зачем?

ОНА. Источник наслаждения. ОН вам расскажет.

ОН. О чем это?

ОНА. (ЕМУ). О том, как самец паука, рискуя собой, оплодотворяет самку. Ты же любишь природу, вот и поделись.

СЕМЕН. Позвольте, я провожу.

ОНА (решиительным жестом его останавливает). Не надо. Я всегда хожу по кладбищам - одна.

ОНА закладывает два пальца в рот, издает пронзительный, разбойничий свист, КОТ появляется – из небытия, ОНИ уходят. Пауза. Тикают часы, подвывают собаки. Мужчины долго смотрят друг другу в глаза. Семен явно ожидает каких-то объяснений, ОН демонстративно его испытывает - молчанием.

СЕМЕН. Что это значит?

ОН. Ничего.

СЕМЕН. Извини, я впервые вижу женщину, которая развлекается ночными хождениями - по кладбищам.

ОН. Да и свистит она - как Соловей. Я же тебе говорю, ОНА - ведьма.

СЕМЕН. Ну и на...

ОН (с радостью ждет). Ну, ну? Произнеси за вечер хоть одно живое русское слово.

СЕМЕН. Зачем же ты ее сюда привез?

ОН. А что же теперь, ведьмы - не люди? Обрати ее в свою православную веру. Разве это не христианский подвиг?

Ладно, давай курить траву. У меня больная печень, и ваш самогон я употреблять не могу - оступотреблялся. Если только под грибки. По соленью. Как говорил великий Киплинг, "после запаха прерий, королевский свой кофе пью я".

ПАУЗА.

СЕМЕН. У меня нет никакой травы.

ОН. Извини, как говорил наш общий учитель – родоначальник художественного порнотеатра, Ка Эс Станиславский: “она у тебя есть”.

СЕМЕН. Может, ты пойдешь, посмотришь, куда она пошла?

ОН. А куда здесь идти?

СЕМЕН. Да, идти здесь особенно некуда.

ОН. Да и заблудиться негде. Давай, показывай свой “в кисете вышитом душистый самосад”. В жизни не поверю, что ты завязал. На счет “герасима” (*Изображает укол “по вене”.*) - верю, а на счет того, что просветляет разум, и очаровывает всякими стремлениями – не верю. Я прав?

СЕМЕН. Нет, ты не прав.

ОН. Прав, я всегда прав, к несчастью, это так.

СЕМЕН. Слушай, я пойду посмотрю, куда она пошла.

ОН. А как ты думаешь, куда она может пойти, кроме кладбища?

СЕМЕН. Не знаю.

ОН. Вот и успокойся. На погосте, кроме покойников, никого нет, а чего они ей сделают? Не изнасилуют же? Или у вас там - свидание? Ты так и скажи.

СЕМЕН. Перестань, я тебя уমাляю.

ОН (*встает, прохаживается по избе, осматривает иконы*). Доски-то все - старые. И ценные. Где берешь их, ты говоришь?

СЕМЕН. Прихожане дарят.

ОН. Добрые у тебя прихожане. И щедрые. (*Гуляет по избе, принимает.*) Очень щедрые и очень добрые - редкое сочетание. Все от лукавого, святой отец, все от лукавого!

Внезапно меняет направление, подходит к лику Иисуса, отодвигает лампадку, вынимает то, что искал.

Ого! А ты говорила - не полезет. (*Замечает лик, интенсивно крестится*). Прости, Господи.

СЕМЕН молчит.

Молчишь, Сеня? Врешь ведь. А разве врать ближнему - не грех?

СЕМЕН (*сдается*). Ладно, давай, забивай.

ОН. Сам и забивай. (*Кидает пакет на стол, усаживается на прежнее место.*) Сгоришь ведь, как осенний лист, святой отец. “Духан” ведь - на всю святую келью.

СЕМЕН (*кажется, сбрасывает с себя свой аскетский имидж, становится нормальным человеком*). Да здесь никого и не бывает.

ОН. А бабки?

СЕМЕН. А чего они в этом понимают?

ОН. Не скажи, нынешние бабки - во всем разбираются, нельзя недооценивать врага. То есть друга, прости, друга. У священника главный друг - прихожанка.

СЕМЕН *(снаряжает сразу пару “косяков” (беломорин*), и делает это мастерски)*. Это точно.

ОН. Слушай, я тебя все хочу спросить.

Семен выдает ЕМУ “косяк”, ОН долго на него любуется.

Пусть мне кто-нибудь теперь скажет, что это – не авангард. Взрываем!

ЗАКУРИВАЮТ.

Ух, хороша. Местная?

СЕМЕН *(затягивается)*. Местная.

ОН. Дай-ка я свою заморожу, одну покурим. А то будет перебор, и я так и не заговорю с Богами.

СЕМЕН. Да я тебе с собой дам.

ОН. Нет, нет, я точно знаю - сейчас мой старый чердак протечет, мне этого, бля, не хватало. *(“Морозит косяк” (слюнявит “беломор”*), закладывает его себе за ухо.)*

СЕМЕН. О чем ты хотел спросить?

ОН. Кто?

СЕМЕН. Ты.

ОН. Я тебя о чем-то хотел спросить? Я тебя ни о чем не хотел спросить. Мне и так ништяк.

СЕМЕН. По-моему ты меня хотел спросить, откуда семена.

ОН начинает хохотать, и еле с этим справляется.

ОН. Какая тонкая сентенция, “откуда у Семена – семена”. Ну, и откуда семена у отца Семена?

Семен затягивается, ОН с завистью за ним наблюдает.

ОН. Во у тебя меха! Ну да, ты ж танцор. И яйца тебе, помнится, не мешали.

СЕМЕН. Подожди, о чем ты только что спросил?

ОН. Я тебя только что ни о чем не спросил, а вот о чем я хотел спросить тебя нее так давно, я вспомнил. Вот это кайф!

СЕМЕН. Да. Сильный. Я когда его первый раз попробовал, двое суток радостный ходил. Такие службы бабкам выдавал, они тут от счастья выли. Батюшка, говорят, наконец-то поднимем храм. Я им – конечно, поднимем, чего ж не поднять.

ОН. Ну, и как часто ты его куришь?

СЕМЕН. Честно?

ОН. Да, уж, мне не ври. Каждый, наверное, божий день.

СЕМЕН. Точно.

ОН. Вот видишь! А Великий Сальвадор учил курить гашиш не больше пяти раз.

СЕМЕН. В какое время?

ОН. Вот этого он так и не сказал. В то, которое у него на часах.

СЕМЕН. Да что мне твой Великий Сальвадор? Он Мне никакой не великий. Тоже мне, Сергей Радонежский.

Мужчины ударяют по рукам, смеются.

ОН. И верно. Как говорится, хорошего кайфа не бывает много.

А тебе не мешает все это, как это по-русски, по-православному...Продвигаться навстречу вере?

СЕМЕН. Я думаю - это тот самый балласт, от которого мне предстоит освободиться.

ОН. Хорошо излагаешь, собака!

СЕМЕН *(курит, передает "косяк" ЕМУ, продолжает распялться)*. Я думаю, вера - это как воздушный шар, - ты постепенно освобождаешься ото всякого мусора, и поднимаешься - выше, выше, к небесам. А стало быть - к Богу.

ОН. Правильно, черт меня возьми, прости Господи! "Ап, ап, то зе скай! Флай, СЕНЯ, флай!" Я рад за тебя, дружище. Но будь осторожен с дочуркой: ОНА чует обкуренных. Она их БЕРЕТ. Потому что веру у них есть, а жизни у них - нет. Никакой.

СЕМЕН. Чего - чего?

ОН. Под влиянием этого конопельного зернышка мы, как тот мальчик Алеша из "Черной курицы", как и все остальное тупое зверье, становимся беззащитны. Перед этими самыми черными курицами. Мы в этом состоянии - добыча для ведьмы. .

СЕМЕН. Я становлюсь добычей для дьявола, когда ...

ОН. Ну, понятно.

СЕМЕН. Героин.

ОН. Да, да, не будем о грустном. Я бы на месте властей вообще бы запретил этот "красный цветок" под страхом смертной казни, а эту несчастную коноплю разрешил продавать в аптеках, и брал бы с этого налоги. Где-то в хорошей компании заикнулся, а мне и говорят - дружище, держи язык за зубами, или тебе его отрежут.

СЕМЕН *(уверенно)*. И отрежут. Я в этой своей ..проклятой.. прошлой жизни.... *(опасливо озирается по сторонам.)* Насмотрелся, прости господи.

ОН. Почему у нас не может быть одной большой, красивой, Голландии? Господи! *(Обращает взоры к потоку кельи, возносит руки к небу)*. Почему мы живем не в Амстердаме? Помню, как-то - бреду себе, купил на косячек, рядом с какой-то негрятючкой на газон упали, себе радуемся, и всем остальным. Ходят эти, как их....

СЕМЕН. Полисмены. Что-то мы...

ОН. Во-во, погнали. Не без этого. Музычку, что ли, заведи!
СЕМЕН. Точно!

Семен с трудом встает, его качает, подходит к аппаратуре, что-то бормоча себе под нос, ставит компакт, - звучит мягкий джаз.

ОН. Слава Богу. А то я думал, что ты сейчас выставишь какой-нибудь хорал.

СЕМЕН. Успокойся, у меня все нормально.

ОН. Да, по большому счету, твоя ряса - это тот же стриптиз. Так сказать – часть шоу. Как говаривал Великий Фрэдди – “шоу продолжается”.

СЕМЕН. Не смей так говорить.

ОН. Да я не со зла. Это так, свободные доводы. Не обижайся, Сеня, я все вижу и понимаю. Все в этой жизни стриптиз. И чем больше его желают закамуфлировать, чем цветастей, или наоборот, черней, этот фиговый лист, тем противней становится. Начинается какая-то антиэрекция. *(С грустью осматривает свою набедренную бинтовую повязку.)*

Короче, Сеня, не пора ли нам раскумариться вторым косяком твоего замечательного и душистого самосада? Произвесь, так сказать, “дубль два”?

СЕМЕН *(явно обижен еще с прошлой реплики, но не помнит, что за что обижался)*. Пора.

ОН. Ну, так давай, отодвигай лампадку.

СЕМЕН. Не богохульствуй.

ОН. Почему это я богохульствую?

СЕМЕН. Потому что косяк у тебя за ухом.

ОН вынимает косяк у себя из-за уха и долго, с восторгом, на него смотрит, потом заправляет обратно за ухо.

ОН. О чем я говорил?

СЕМЕН. Ни о чем.

ОН. Слава Богу, а то я уж думал – о каких-то новых способах познания, вот это накрыло, слава тебе, Господи!

СЕМЕН. Не богохульствуй.

ОН. Накрыло - это уже вполне легальный термин, ибо зазвучал по телеку. Ну, у тебя же есть телек. Вон он стоит. Или это склад анаши? Давай обогатимся, поднимем храм. Как говорил Великий Сальвадор: "Храм, чьи стены выстроены согласно точным наукам, нуждается в куполе. Иначе говоря - небе".

СЕМЕН *(неожиданно звереет)*. Не богохульствуй!!! Так чего еще я не знаю?

ОН. А чего ты так всполошился?

СЕМЕН. Я просто подумал – может быть в миру происходит нечто такое, что мне следовало бы знать, а я этого – не знаю?

ОН. Не беспокойся, Сеня. Там, кроме формального конца света, не происходит ничего интересного. Ничего такого, что могло бы не напугать. Мир гибнет, решит пошвам, валится, рушится, разворачивается. Он во власти дьявола. Который сам - порождение Творца. Воюют теперь не солдаты, а роботы. Какие-то сраные кузнечики, реагирующие на тепло, и несущие на себе целый арсенал. С места запрыгивают на пятый этаж! Современная война красива, Сеня! Она эстетична в далианском духе. Гений приветствовал Апокалипсис, он любил его, не зря взялся его иллюстрировать. Но вообще-то он был заодно со святым Августином: "Пусть будет судный день, но потом, попозже, как можно позже. Ведь, предаваясь неопишуемому разгулу, Августин неустанно просил господина об обращении, но кончал молитву всякий раз так: "Только не сейчас, Господи! Осени меня своей благодатью дня через три, а лучше - через неделю..."

Да уж. Дали - наркотик, без которого нельзя обходиться.

СЕМЕН. Это не можешь без него обходиться.

ОН. Да нет, - так он сказал сам про себя.

Внезапно ОН смурнеет, вновь извлекает из-за уха "косяк", сосредоточенно на него смотрит, Семен, почему-то на цыпочках, уходит, готовит чай, пока он производит всю эту церемонию - долго, со вкусом, с какими-то старорусскими примочками с китайским уклоном, то ОН все еще осматривает снаряженную "гильзу".

Семен выставляет чашки, отпивает из своего стакана.

СЕМЕН. Тебе как - с сахаром, без сахара?

ОН. Нет. Вот послушай - мне тут приснился апокалиптический сон, и я подумал - готовый сценарий. *(Долго шарит по карманам, готовится что-то записывать, находит, говорит, иногда записывает).*

Я иду по какой-то набережной - по-моему, волжской, и реву от одиночества - этакий, знаешь, антибуддийский аскетизм - сплошной грех. Потом смотрю - куда-то очередь, стоит моя маман, и говорит - вставай впереди меня, там какие-то поминки, пожрем, попьем! Я мимо нее пошел, иду себе дальше, смотрю, по воде плывет здоровая такая платформа, а на ней - высоченный ковш, вдруг, смотрю - платформу разворачивает в "оверштаг", думаю, быть такого не может! Наверное, рулевой пьяный! Бегаю, ору - конец света, вашу мать! Это - конец света! А мне - да пошел ты, и гуляют себе дальше. "Уводите детей!", - ору. А они мне - не каркай, дурак. "Война"! - ору. А они мне - а ты кто такой?

И тут этот ковш нагибается, и начинает хватать всех - и женщин, и детей, и стрельба, и скандал, и менты...

Вот так, дружище Сеня. Все мое лучшее сегодня, было уже давно - вчера...

Заходит ОНА с сильно изменившимся лицом, тихо прикрывает за собой дверь, Семен ее замечает. собирается что-то сказать, но она прикладывает палец к губам.

Короче, я лезу на эту платформы - какой-то другой мир. Я видел его, Сеня...
Это был его конец...*(Рыдает, и не замечает своих слез.)* Там какие-то не люди... Демоны... Они убьют нас... Они погубят нас... Они погубят нас... Они нас погубят...

СЕМЕН. Ну и как?

ОН. Ну и так. Снял к 80-летию российского цирка клипец: тетка, лет этак восьмидесяти, торгует мороженым - прямо у манежа, перед представлением, начинает снимать себя одежду, и доходит практически до трусов. Сам написал музыку, и, между прочим, сам спел. Саундтрек в идеале. Вруби MTV, можешь посмотреть.

Я тут пару раз, пока снимал это целебное для всех мужчин планеты кино, то самое, которое, по словам Ульянова (Ленина), является для нас важнейшим, все чаще вспоминал, что меня маленького за руки и за ноги тащили в балетную школу, а все твердил, - нет, мол, там дяди с голыми пизями в одних кальсонах скачут. Насмешка зла, святой отец! Тут поневоле станешь фаталистом. Собственной писей я пожертвовал (искусство требует жертв), но зато на другие - насмотрелся. Ох, как насмотрелся, Сеня.

СЕМЕН. И что теперь?

ОН. Я решил, что чем рубиться за полнометражное кино порно апокалиптическое кино, можно снять трехминутное, и оно будет гораздо убедительней. Время сжимается, дружище Сеня. Время подошло к своему рубежу. Прешься в черный туннель, там, вроде, где-то вдалеке свет, ты хочешь притормозить, а тебя пихают машинами, как в том клипе "Анкл".

Стоп!

СЕМЕН. Чего это с тобой?

ОН. Дошло, наконец, что на самом деле есть мягкие часы Дали.

СЕМЕН. Это которые висят на ветке оливы?

ОН. Да. Дружище Квентин разобрался с этой проблемой, сам того не подозревая.

СЕМЕН. Какой такой Квентин?

ОН. Тарантино, Сеня, Тарантино. Ибо для того, чтобы передать их юному Бучу, потребовалось дважды носить их в заднице - сначала пять лет, а потом еще два. Сколько получается?

СЕМЕН. Семь.

ОН. Смотри, ты порой бываешь прав. Так вот: на часах Сальвадора всегда - половина седьмого. Я думаю, в общей сложности, с полгода эти часы находились вне задниц, так что - все совпадает. Это гуманитарное открытие я посвящаю тебе, святой отец Семен.

СЕМЕН. Спасибо. Ну а причем тут мягкие часы?

ОН. Сейчас дойдет.

"Почему у вас часы растекаются?" - спрашивали Великого Сальвадора.

"Но суть не в том, что они растекаются! - вещал Великий Сальвадор. - Суть в том, что мои часы показывают точное время. Механизм изначально был моим личным врагом, а что до часов, то он были обречены растечься или вовсе не существовать." И еще: "Мои часы мягкие, потому что тело Христово - мягкое, как сыр, оно растекается как сырная слизь и заполняет мир".

В этой кисло-щелочной среде часы, естественно, размягчились, так как были личным врагом Гения. Дошло?

Пауза.

ОНА. Мужики, вы что же это, накурились?

ОН *(спокойно пьет чай, скрытым движением смахивает скупую слезу)*. С чего ты взяла?

ОНА. Да вон у тебя, косяк за ухом.

ОН *(Спокойно вынимает косяк из-за уха, прикуривает)*. Хорошо, что напомнила. Святой отец, не желаете прокондыбаситься?

СЕМЕН. Нет.

ОН. А прокурандохаться?

СЕМЕН. Я же сказал - нет. Не курю.

ОН. Правда? Пардон, пардон.

" Мой друг не пьет и не курит, а лучше б пил и курил.

Держал бы дому что-нибудь такое, я бы чаще к нему заходил". А тут зашел - и обрел у него как раз, что надо. Какая удача!

ОНА. Дай-ка затянуться, крестный.

ОН. Я тебе не крестный.

ОНА. Дай затянуться, НЕкрестный.

ОН. Перебьешься. Кстати, я придумал тебе для нового порно псевдоним - имя можешь взять любое, хоть Наташа, а вот фамилия - чисто цирковая.

ОНА. Какая?

ОН. Целочникова.

ОНА подходит к нему и со всей силы бьет ему по лицу - ОН потрясен.

ОН. Вот это - облом, так облом.

ОНА. Это только начало, папа.

ОН. Слышь, ведьма. Я перед тобой корячиться не собираюсь. Я тебе не павлин. У меня крылья из задницы не растут.

ОНА. О, как все запущено. Может, перья?

ОН. Ну да, перья. И что ж мне теперь делать? Без перьев, что растут из крыльев, которые у меня и вовсе не растут из задницы? *(Оттягивает себе штаны, заглядывает.)*
О, нет.

ОНА. Отвези меня отсюда.

ОН. Поздно, девочка. Вьюга на дворе, и, видишь, не в форме.

ОНА. Вьюги нет, но будет.

ОН. Ты, что ли, устроишь?

ОНА. Я.

ОН. Ну, давай, создавай.

ОНА. Пожалуйста.

ОНА подходит к окну кельи, вытягивает вперед обе руки, за окном начинается вьюга. Семен хлопает глазами, явно не понимает, что происходит.

ОН. Не беспокойся, Сеня, обычный трюк.

ОН *(встает, идет, шатается, вздыхает на ходу)*. К тому, что спать я сегодня буду на печи - а вы - где хотите.

ОН бредет к печи, еле переставляя ноги, у самой ее стенки останавливается, круто разворачивается.

Счастливо оставаться, дорогие православные священники и юные ведьмы - я отхожу ко сну. *(Карабкается на печь)*.

ОНА. Осторожней, папа, не упади.

ОН. Не ссы, Маруся!

ОН с шумом падает - прямо на спину, по пути срывая все занавески, и роняя какой-то огромный глиняный горшок - из него выскакивает черный КОТ и с диким ором уносится куда-то в угол.

Ну вот. *(С трудом встает, хромя, надвигается на нее, берет и ее за лицо и говорит медленно, старательно разделяя слова)*. Дитя мое, если ты еще раз меня сглазишь, то за меня впрягутся полки моих ангелов-хранителей. Они вздрючат всех твоих демонов, как два пальца...

ОН с шумом падает - прямо на спину, по пути срывая все занавески, и роняя какой-то огромный глиняный горшок - из него выскакивает черный КОТ и с диким ором уносится куда-то в угол.

Ну вот. (*С трудом встает, хромая, надвигается на нее, берет и ее за лицо и говорит медленно, старательно разделяя слова*). Дитя мое, если ты еще раз меня сглазишь, то за меня впрягутся полки моих ангелов-хранителей. Они вздрючат всех твоих демонов, как два пальца...

Изображает, как все это будет происходить, отталкивает ее, вновь лезет на печь, на этот раз более удачно, поет "Мы не сеем, мы не пашем, с колокольни писей машем". Пауза. СЕМЕН молчит. ОНА присаживается напротив.

ОНА. Ксс-ксс-ксс.

СЕМЕН. Это вы кому?

ОНА. Тому, кто первый отзовется.

СЕМЕН. Могу я спросить?

ОНА. Давно пора. А то я как Урма Тубан. Или Турба Уман, как бишь ее. Не выношу неловкого молчания.

СЕМЕН. Каким образом ваш кот оказался в моем кувшине? Вы же забирали его с собой?

ОНА (*раздраженно*). То же мне вопрос - это кот лазит везде сам по себе, как любой кот. Что вы вбили себе в голову? Что вы слушаете этого дурака?

СЕМЕН. Он мне друг.

ОНА. Ну, этого своего друга?

СЕМЕН. А почему бы мне его не послушать?

ОНА. Силы небесные, да потому что он - дурак. И наркоман. И алкоголик. Алкогольный наркоман, или наркотический алкоголик - вдобавок еще и голубой.

СЕМЕН. Нет, он не голубой - это точно.

ОНА. Ну как же, он же только что вам предлагал лезть с ним на печку? Сменить, - как он выразился, - ориентацию?

СЕМЕН. Послушайте, давайте распределимся, - вон там, в углу, видите - диван.

ОНА. Это где мой кот улегся?

СЕМЕН (*оглядывается, видит на диване КОТА*). Ну да. Там чистое белье, располагайтесь.

ОНА. А вы?

СЕМЕН. Я полезу на печку.

ОНА. Значит, я права.

СЕМЕН. А что вы мне предлагаете?

ОНА. Лечь со мной.

СЕМЕН. Зачем?

ОНА. Идиотский вопрос. Обычно так спрашивают девушки. Что бы сообразить, сколько брать. Вы должны мне доказать мне, что вы - не голубой.

СЕМЕН. Я лично вам - ничего не должен.

ОНА. Не только мне.

СЕМЕН. А кому еще?

ОНА. Всему роду человеческого. Вы же, кажется, священник?

СЕМЕН. Я, конечно, священник, но я не собираюсь никому ничего доказывать.

ОНА. Не поделитесь, значит, благодатью.

СЕМЕН. А чего ей делиться? Вот она.

ОНА. Где?

СЕМЕН. Везде. Как центр сферы.

ОНА. Это анаша, что ли, ваша?

СЕМЕН (*смущен*). Она - не наша.

ОНА. А чья?

СЕМЕН. Вон, его. (*Показывает на печь, откуда уже доносится храп.*)

ОНА (*приближает свое лицо к Семену, тихо*). Вранье, святой отец. Вы только что расписались во грехе. Теперь вы - мой.

СЕМЕН встает, идет к печи, его слегка качает.

А вы неплохо держитесь.

СЕМЕН (*Оборачивается*). Что?

ОНА. Я говорю, вы хоть и туговаты на ухо, но неплохо держитесь.

И вас, я так понимаю, не соблазнить.

СЕМЕН (*круто разворачивается, подходит к ней, по пути притормаживает*).

О, нет, нет.

ОНА. Да, святой отец, да. Не говорите “нет”, если знаете, что “да, да и только да”. Ладно, идите, святой отец. Предавайтесь оргии. Ваш партнер храпит на печи. Слышите?

Семен прислушивается.

СЕМЕН. А что?

ОНА. Как он сексуально храпит. Как он призывно чавкает во сне. Он все-таки потрясающий дурак, думает, что все еще на что-то способен. Снять какое-то кино. Написать какой-то сценарий. (*Внезапно подходит к Семену, берет его за член - прямо сквозь ряску*). Это невероятно! Святой отец, да вы - орел! Вдобавок у вас - эрекция.

СЕМЕН (*активно отстраняется*). Изыди!

ОНА (*весело смеется*). Простите, святой отец, но таких роскошных фаллосов мне еще не встречалось.

СЕМЕН (*с подозрением*). Правда? Мерси.

ОНА. Наконец-то первая пара человеческих слов, правда одно по-французски. Извините, святой отец, я употреблю все свое влияние, чтобы изучить ваше тело досконально-но!!! И вы станете моим первым мужчиной.

СЕМЕН. Так вы...

ОНА. Да, да!

СЕМЕН. А...ОН?

ОНА. А ОН - Великий Мастурбатор. Короче, чокнутый. Паранойик, как и его любимый Дали. Разве вы не знаете, что Дали бы паранойик? Он выдал миру инструкцию, и мой так и крестнувшийся папа на ней свихнулся.

СЕМЕН вдруг смотрит на нее ужасными глазами, пьтится к печи.

СЕМЕН. Секундочку... Секундочку...

ОНА. Ну что, что?

СЕМЕН. Я сейчас видел... у вас в глазах какую-то желтую вспышку...

Орет КОТ.

И этот ваш кот...

ОНА. Ага, Бегемот. Мурр. Вы не обратили внимание, что у него усы, совершенно, как бы сказал ныне прозябающий в объятиях Морфея великого знатока вагины, как таковой, мой верный друг, но правда - не любовник - Дон Гуан, - "Далианские усы". Или "антиницшеанские". Вылитый Хусейн, правда?

Нет, не бывший король Иордании, потомок пророка Мухаммеда в тридцать шестом поколении, а Саддам. Потомок лошади Пржвальского.

СЕМЕН. Лошади Пржвальского?

ОНА. Ну да, есть версия, что Пржвальский согрешил с открытой им лошадью, и они прозвели на свет Иосифа Сталина, который, в своем роже, являлся незаконнорожденным папой Саддама. Вам неинтересно?

Начитались классики, святой отец. Или вообще не читали. Кстати, если вы действительно можете чего-то опасаться, так это не меня, а Марсика.

СЕМЕН. Марсика? Но он - всего-навсего...

ОНА. Что "всего-навсего"?

СЕМЕН. Кот.

ОНА. "Всего-навсего котов" не бывает. Каждый имеет историю. А уж Марсик-то имеет такую, о которой никто не знает. Например, про его замечательные усы.

СЕМЕН. Кроме, разумеется, вас.

ОНА. Кроме, разумеется, меня.

СЕМЕН. А что он мне может сделать этот ваш...

ОНА. Он может покуситься на ваш сиятельный фаллос.

СЕМЕН (*вновь шарахается от НЕЁ*). Опять...

ОНА. Что?

СЕМЕН. У вас как будто вспыхнули глаза.

ОНА. Быть не может.

СЕМЕН. Нет, нет, я видел.

ОНА (*прикрывает ему рукой рот*). Как поет Эдж - "не мочись в водосток, не испытывай желания. Не нервничай и ничего не говори, не мастурбируй".

Да успокойтесь же вы, святой отец, в крайнем случае - отрубите себе палец, как Сергей - это должны помочь. Хорошая замена, правда? (*Обнажает грудь, крутится - очень быстро, ее собственные пассы аккомпанирует нарастающая за окном вьюга*). Конечно, лучше отрубить себе палец. (*Запахивается, бредет к койке, укладывается с котом.*) Рубите в крайнем случае - мизинец. Так поступают якудзо, когда провинятся перед основным мафиози. Только не рубите свой великолепный член, святой отец. Не подпускайте к нему Марсика, и не задирайте при нем подол. Он вам еще (*зевает*). Пригодится.

Она берет пульт, включает телевизор, от туда слышится песня "Никакого секса в комнате для шампанского".

Ого. Знаете английский язык?

СЕМЕН. Нет.

ОНА. Зря. Ну вот, видите этих двух чернокожих парней. Они поют "Никакого секса в комнате для шампанского". В-он, внизу, титры. Эм-Ти-Ви. Никаких новостей, и никакого секса. В комнате для шампанского.

Отец Семен встает напротив телевизора, и начинает читать титры: "Никакого секса в комнате для шампанского, никакого секса в комнате для шампанского, никакого секса в комнате для шампанского, никакого секса в комнате для шампанского."

Вот видите! У вас получается. Вы, святой отец, вдохновляете на изнасилование.

СЕМЕН. Какое-такое?

ОНА. Зверское! Читайте, что оно уже состоялось. А жертвой, как всегда, буду не я.

ОНА укладывается, в конце ошалевший отец СЕМЕН, на всякий случай прикрыв рукой родильный отросток, лезет на печь, прилаживает обратно занавеску, сквозь нее выглядывает, напряженно на нее смотрит.

Он видит, как ОНА укладывается в постель ложиться строго на спину, к ней на грудь прикладывается с душераздирающим мяуканьем КОТ, в сенях начинают выть собаки.

Через минуту она открывает глаза, прямым, невидящим взором смотрит в потолок, поднимается, вытягивает обе руки вперед, со звоном выстукивая зубами, двигается по комнате.

СЕМЕН (*изо всех сил расталкивает ЕГО*). Проснись. Очнись, придурок! Просыпайся, тебе говорят!

ОН (*один голос- из-за занавески*). Да если б я, тогда еще юный отрок, узнал, что у меня под самыми окнами будет зоомагазин, и в нем будут продавать крокодила, и его будут звать Яша, и будет он стоить 700 баксов, и я его не куплю, потому что просто не найду на это денег?! Я б сам себе плюнул в рожу! (*Высовывает голову с печи, плохо соображая, что происходит*).

А, святой отец. Привет.

СЕМЕН (*шепотом*). Тише, идиот! Смотри, что делается!

ОН (*протирает глаза, смотрит перед собой*). Ни хрена себе. Пардон. Артистка.

СЕМЕН. Ты видишь, что она там вытворяет!

ОН. Вижу. Гуляет по избе.

СЕМЕН. Ты что не понимаешь, идиот? (*Крестится, что-то шепчет, по-видимому, молитву.*)

ОН. А, ну да, она же лунатичка. Забыл тебя предупредить.

СЕМЕН. Господи, да почему ж так страшно.

ОН. Это ты просто обкурился. Я лично, когда обкурюсь, боюсь всего на свете.

СЕМЕН. А сейчас тебе... тебе не страшно?

ОН. Да, что-то трясет. Но это, я думаю, что продрог.

СЕМЕН. На печке?!

ОНА. Семен... Семен... Святой отец... Где ты...?

Пауза. Мужчины переглядываются.

ОН. Это тебя.

СЕМЕН. Я сам слышу, что меня! А почему меня? А не тебя?

Пауза. Мужчины переглядываются.

ОН. Это тебя.

СЕМЕН. Я сам слышу, что меня! А почему меня? А не тебя?

ОН. Откуда я знаю. Наверное, ты ей понравился.

СЕМЕН (*тарахтит шепотом, сбивчиво, переходя на голос*). Знаешь что! Ты ее привез, ты с ней и разбирайся, мне все это на...

ОН. Что? Что такое? Богохульство?

СЕМЕН. Ты меня за язык не хватай! Слазь, иди, и пусть она спит.

ОН. Она ж тебя зовет, ты к ней и иди.

СЕМЕН. С какой стати?

ОН. Ну ты же слышал, она сказала «Семен». Из нас двоих Семен, а тем более , святой отец - ты. Я, может быть, тоже отец, да только не святой.

ОНА, жутко перестукивая зубами, подходит вплотную к печи, упирается в нее руками.

Мужчины высовывают головы и тихо за ней наблюдают, как обкакавшиеся дети.

ОНА. Сеня...Сенечка...Святой отец...Где же ты...? Иди ко мне.

ОН. Ну давай, спускайся. Может, она придуряется.

СЕМЕН. Ни куда я не пойду!

ОН. Ну и дурак!

СЕМЕН. Ты что, не видишь, она - ведьма!

ОН. Ну и чего ж ты испугался. Кто, в конце концов, сильнее, святой дух или всякое там нечистое говно! Выгони из нее бесов, тебе зачтется! Давай, иди, выгоняй.

СЕМЕН. А ты?

ОН. А я посмотрю.

СЕМЕН. Пойдем вместе.

ОН. А я то тут при чем?

СЕМЕН. А я?!

Неожиданно ОНА пятится назад по точно такой же траектории, по какой шла вперед, укладывается в постель Семена, складывает на груди руки, в точной таком же положении, в каком лежат во гробах покойники.

СЕМЕН. Фух, как будто что-то отпустило. (*Без сил расползается по печи.*)

ОН. Между прочим, у меня тоже. Черт возьми, она такого раньше еще не вытворяла. Ни хрена себе, хохмочки. Кстати, о птицах, давай накатим? Самогон помогает от радиации, от нечистой силы и от всякого разного триппера. Народный, природный, антибиотик.

СЕМЕН (*лежит без сил*). Ничего не знаю. Нету у меня ничего.

ОН. Как говорил Станиславский - врешь ты все.

СЕМЕН. Господи, что ж так страшно-то? В жизни не было так страшно.

ОН. Да брось ты, она придуряется. Сейчас мы ее разбудим, и обо всем расспросим.

СЕМЕН. Нет.

ОН. Чего так? *(Спускается с печи, чуть не падает.)* Пойдем, пойдем, не бойся.

СЕМЕН *(сползает за ним)*. Куда?

ОН. К шкафчику.

СЕМЕН. Слушай...А возьми это свое...Ружье.

ОН. Чего?!

СЕМЕН. Ну, на всякий случай.

ОН. Черт меня возьми, зачем?!

СЕМЕН. Не богохульствуй!

ОН. Да пошел ты!

ОН осторожно продвигается к комоду, Семен, чуть позади, за ним. ОН осторожно выуживает из комода четверть, подает ее Семену, в этот момент ОНА открывает глаза, Семен пятится назад, четверть падает, разбивается.

ОН. Ну вот, твою мать, угостились.

ОНА *(потягивается, встает)*. Ой, мальчики, с добрым утром!

СЕМЕН. С добрым утром...С каким еще добрым утром!?

За окном орет петух, собаки воют, вьюга утихает.

ОНА. Ну вот же, петух пропел. Что с вами, мальчики?

СЕМЕН *(подскакивает к НЕМУ, хватая его за грудки)*. Ты слышал?!

ОН *(мягко освобождается)*. Ну, да, она сказала «С добрым утром».

СЕМЕН. Петух пропел!

ОН. Ну и что? Мало ли чеканутых петухов? Может он услышал шум в избе, и решил, что пора вставать. Кто тебе, вообще сказал, что петухи умнее людей?

СЕМЕН. Да. *(Обреченно.)* Петухи глупее людей.

ОН. Успокойся, Сеня.

ОНА. Мальчики, так сейчас что же, ночь?

ОН. Да, девочка, ночь.

ОНА. А сколько?

СЕМЕН. Двенадцать доходит.

ОНА. Ого! Магическое число Раймондо Луллия. Детское время. Мы что же, так рано легли?

СЕМЕН. Да, мадам.

ОН *(изумленно смотрит на Семена)*. Ого. Светский термин.

СЕМЕН. Да, сударыня. В русских селах рано ложатся в постель.

ОН. Да, сударыня, не то, что в городах. Слушай, детка, а тебе сейчас...ничего не снилось?

ОНА. Нет. А что?

ОН. А то, что ты сейчас бродила по избе.

ОНА. Я? Врешь.

СЕМЕН. Нет, он не врет.

ОНА. Ну, может этот...лунатизм. Может же быть такое?

ОН (*Семену*). Я же тебе говорил - с ней такое бывает. (*Ей*). Но, девочка, ты при каждом шаге стучала зубами.

ОНА. Холодно. Дайте, пожалуйста, еще одно одеяло. Если уж нет вокруг мужиков. (*Многозначительно смотрит на Семена, тот пятится.*)

ОН. Но детка! Лунатики не ходят с открытыми глазами!

ОНА (*привстает с кровати, говорит твердо, даже жестко*). Слушайте, святые вы, а так же крестные папы, папики с попиками. Если вы обкурились анаши, и после этого у вас обоих, синхронно, возникли зрительные и слуховые галлюцинации, то в том моей вины нет. Так что гасите-ка свет, и полезайте на печь, и займитесь дружбой, или как у вас там, у отцов. Пока вы меня как следует не разозлили. (*Укладывается поудобнее, все в ту же покойницкую позу, закрывает глаза, потом открывает их, говорит в потолок.*) И выключите, пожалуйста, свет.

Мужчины стоят над разбитой четвертью, как два набитых дурака.

ОН. Чего ты ее не взял?

СЕМЕН. Ты не смеешь меня в этом винить!

ОН. Кого?!

СЕМЕН. Меня!

ОН. Да я про четверть, идиот!

СЕМЕН. Еще чего!

ОН. Ну, если тебе все равно, то бойся теперь трезвый.

СЕМЕН. Ах, вон ты о чем. (*Совсем тихо.*) У меня еще есть.

ОН. Сколько?

СЕМЕН. Столько же.

ОН. Ну так давай, посидим. Пожрать есть чего-нибудь?

СЕМЕН. Да полно.

СЕМЕН, озираясь, уходит, ОН остается один. Подходит к «изголовью», долго смотрит на ее бесстрастное, спокойное лицо, крадется к своему охотничьему «бутору», вынимает из чехла длинноствольный, навороченный карабин с оптическим прицелом, еще раз оглядывается, прицеливается куда-то на свет, закидывает его на печку. Извлекает из мешка видеокамеру, кажется, удивлен ее присутствием в охотничьем снаряжении.

Пробует ее на работоспособность, закидывает на печь вслед за карабином. Извлекает охотничий топорик, фонарь, - отправляет все это на печь вслед за карабином и камерой.

Является Семен, с несколькими кастрюлями, и еще одной четвертью. Под мышкой у него - старая, трухлявая, пыльная книга

ОН. Ого. А ты говоришь - нечистая сила.

СЕМЕН. Да тише ты!

ОН (*помогает выставлять все это на стол*). А что за раритет? «Деяния Апостолов»? «И покажу чудеса на небе вверху и знамения на земле внизу, кровь и огонь, и курение дыма»?

СЕМЕН. Я когда-нибудь убью тебя. А возьму греху на душу.

ОН (*в свою очередь берет Семена за грудки, другой рукой пальцем показывает на спящую*). Ты можешь убить ведьму, и тем самым замолить грех. Правда?

СЕМЕН. Что ты такое несешь?

ОН. Ну тогда не бросайся словами. А то - «убью». Это, брат Понфутий, серьезное заявление. Что за брошюрка? (*берет в руки.*) Ого! ТО, что надо. «Я. Шпренгер, Г. Инститорис. «Молот ведьм». Да ты, я смотрю, хорошо подготовился.

СЕМЕН (*опасливо оглядывается, разливает*). Бабка одна подарила.

ОН (*листает*). Так тут же сплошная инквизиция, ты же не католик. Мой любимый Сальвадор Дали вдохновлялся святыми кострами. Так и говорил: «Люблю инквизицию! Все великое делается наперекор и, следовательно, благодаря несвободе. Свобода - если определять её как эстетическую категорию - есть воплощение бесформенности, это сама аморфность...»

СЕМЕН. При чем тут твой Дали, при чем тут, - католик - не католик! Другой нет.

ОН (*читает*).

«О способе, коим ведьмы переносятся с места на место»... Это мы видели - они летают на метле.

«О ведьмах, предающихся демонам». Это мы еще посмотрим.

СЕМЕН. Давай, давай, накатим, дорогой мой, а то меня опять чего-то трясет.

ОН (*увлечен*). Сейчас, сейчас, святой отец...О! «О способе, коим ведьмы лишают мужчин полового члена». Выпьем за то, что бы, ну, дальше, сам понимаешь. Что б нелишенный член, и деньги были, отважных, и т.д., короче - по печени - огонь.

Опрокидывают по полному граненому стакан, закусывают.

Ого, грибки, огурчики, помидорчики, капуста! Господи, прости меня грешного, как я люблю весь вот этот утробный хлеб, ну и духовный, конечно, куда ж без духовного.

Святой отец, а может еще и накуримся, а? Для полноты, так сказать, ощущений.

СЕМЕН. Нет!

ОН. И то верно. Анаша уводит драгоценную энергию куда-то внутрь вселенной. Особенно перед всякими разными пидорами. В самом худшем смысле этого слова. (*Явно распаляется.*)

СЕМЕН. Да тихо ты.

ОН. А пошла она - то же мне, цирк здесь устроила. Наливай. а потом изучим этот инквизиционный труд. Ни дня без строчки! Надо же, были же на свете времена! Не дала баба - на костер. И правильно, я считаю.

СЕМЕН. Да тихо ты, говорю тебе!

ОН. Куда еще тише? Ты меня слышишь?

СЕМЕН. Да, я тебя слышу.

ОН. А я-то тебя как хорошо слышу! Тоже мне...Наливай!

СЕМЕН. Да я уже налил.

ОН. Давай!

СЕМЕН. Давай, прости Господи (*Выпивает.*)

ОН. За очищающее пламя! (*Показывает ей язык.*) У, ведьма. Мы их палили, палим, и будем палить. Правильно?

СЕМЕН (*закусывает*). Правильно.

ОН. Ты что же, уже выпил, что ли?

СЕМЕН. Да.

ОН. А я, что же - нет?

СЕМЕН. А ты - нет.

ОН. Ну тогда - за геену огненную! (*Выпивает.*) Ну-с, предадимся теперь высокому искусству инквизиции. (*Демонстративно слюнявит палец.*) Чем же это дорогие наши тетки лишают нас полового, понимаешь...А! Вот! Слушай, и запоминай.

(*Читает.*)»... Дьявол на основании расположения и движения звезд, предвидит будущее, а также обладает потаенными знаниями, которые охотно открывают женщинам.» О!

«.....святой Августин полагает также, что было бы бесстыдством...»

Любимый святой Великого Сальвадора! Бесстыдством! Наливай.

Продолжает чтение.

»...отрицать возможность плотских сношений дьявола с женщинами - ввиду многочисленных заявлений о таковых сношениях.....»

Налил?

СЕМЕН. Налил.

ОН. Тогда - еще одна цитата из этой замечательной книги - я у тебя ее заберу и сниму ксерокс. Итак:

«.....Разумеется, всякие дьявольские напасти, как говорит Августин, происходит

с божьего попущения, с разрешения бога, как это вытекает из общего учения о зле, попускаемом богом...»

Вот так вот.

ОН чокается со стоящим на столе стаканом, выплескивает его себе в пасть, в этот момент выключается свет. Длительная пауза, полная темнота.

Во, началось. Смотри, святой отец, мимо рта не плесни.

Семен зажигает свечу, она освещает лица беседующих мужчин, они смотрят друг другу в глаза, пауза.

ОН медленно оборачивается в ЕЕ сторону, страшными глазами смотрит в темноту.

ОН. Врешь, не возьмешь.

СЕМЕН *(близок к обмороку)*. Ты говоришь, самогон от этого помогает? *(Наливает самогон.)*

ОН. А то как же, ты что же, не знаешь? Вон у тебя его сколько. Только он и помогает, Сеня. Давай, родной, давай. Выпьем за....*(Листает книгу, ищет глазами текст.)*

«...по-видимому, дьявольская импотенция распространяется только на законную супругу, в противоположность естественной...»

Ну это - и так ясно....А вот, тебе понравится:

« ...в Зоэсте около этого времени был сожжен молодой священник, как зловердитель и маг: его обвиняла в колдовстве красивая женщина, которой он, после долгих безуспешных попыток, овладел с помощью колдовских средств....»

Вот это да!

СЕМЕН. Ты давай, читай про ведьм.

ОН. Джаст э момент! *(Читает.)*

«...Лежащий на женщине мужчина - дьявол; дьявол - женщина, лежащая под мужчиной...».

Понял?

СЕМЕН. Я это всегда знал.

ОН. А я - нет. Я думал, что это называется простым словом - «бу-тер-брод». А, пардон, это когда еще один мужчина где-то там лежит. Порнуха! *(Читает.)*

«...Епископы и священники должны стараться всеми силами искоренить

совершенно из своих приходов дьяволом изобретенное пагубное искусство гадания и колдовства, и если кого-либо, мужчину или женщину, заподозрят в принадлежности к подобного рода преступлению.....»

Преступлению!

«...пусть епископы и священники изгонят их из свих приходов самым постыдным образом, ибо апостол сказал: «Еретика, после после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратил и грешит, будучи самонужден» (Послание к Титу, гл.111, с. 10, 11).

СЕМЕН. Вот ты - еретик.

ОН. Я?!

СЕМЕН. Да, ты.

ОН. Это потому что я «самонужден»?

СЕМЕН. Не знаю. Но ты - еретик.

ОН. Я - «Великий Мастурбатор» (*протягивает Семену правую ладонь.*) Вот. Трудовая мозоль. Будешь изгонять?

СЕМЕН. Буду.

ОН (*читает*).

«Священникам, вместо денег, выдавалось крепкое вино - согласно присказке:

Vonum vinum cum sapore

Bibat abbas cum priore

Хорошее вино с пеной,

Пусть пьет аббат с приором.»

Bibat servus et ancilla

Bibat herus bibat hera

Ad bibendum nemo serus

«Пусть пьет крепостной,

Пусть пьет прислуга,

Господин и госпожа -

Выпивать никогда не поздно....»

Наливай.

СЕМЕН наливает, они пьют.

СЕМЕН. Давай дальше.

ОН. Все расходы по винопитию покрывались из средств осужденных или просто привлеченных к ответственности ведьм и колдунов. (*Крутит книгу, читает обложку.*)

«...Покупай и читай эту книгу, о деньгах не пожалеешь».

ОН шарит по карманам, вываливает на стол пачку купюр.

СЕМЕН. Чего это?

ОН. Это - дьявольское наваждение. Я жертвую его на пользу церкви.

СЕМЕН. Книга не продается.

ОН. Это - за счастье прочесть ее. Кстати! Когда будешь меня изгонять?

СЕМЕН. Как дочтешь.

ОН. А ведьмочку?

СЕМЕН. И ведьмочку.

ОН (*тупо ткется носом в книгу, листает ее, вздрагивает, предъявляет Семену текст*). О!

«...Нидер знал также одну «святую женщину», которую изнасиловал дьявол, причем он оплодотворил ее настоящим мужским семенем в таком количестве, которым могла обладать разве тысяча мужчин...»

Ни хрена себе.

ОБА оглядываются в темную пустоту, пауза.

Во те и дьявол. (*читает.*)

«...численно превосходя мужчин, ввиду неучастия ни в войнах, ни в междоусобицах, ни в опасных предприятиях, ни в изнуряющих занятиях, ни в тяжком, подрывающем силы труде, женщины оказывались в избыточном количестве и наполняли собою монастыри и всевозможные «богоугодные» учреждения....»

Это - точно. Мы с тобой - кто?

СЕМЕН. Кто?

ОН. Пушечное мясо. У нас случаются инфаркты, мы напарываемся на пiski, падаем в горящих лимузинах - в бездонное пространство, мы гибнем, гибнем, гибнем, и вот нас уже - нет. А их, сук, небитых - миллионы...

ОНИ вновь оглядываются в пустоту, и не видят, что прямо над ними - в жутком свете освещенной свечи, появляется ОНА, и смотрит все тем же безумным, пустым, слепым взглядом - вперед, прямо перед собой. Читает дальше:

«...папский инквизитор из Комо нам рассказывал, как в ег области на ночном собрании ведъм был съеден не родившийся ребенок! По этом случаю в прошлом году там была сожжена 41 одна ведьма; некоторым удалось скрыться...»

От нас не скроется ни одна! Всех спалим. *(Читает.)*

«..известен и такой случай: дьявол, принявший образ женщины (суккуба), собрал от мужчины, с которым имел сношения ...*(пристально смотрит Семену в лицо.)* его семя, а затем собранным семенем, приняв образ мужчины (инкуба), оплодотворил женщину.

Пауза.

Что-то я ни хрена не понял. Давай, святой отец! Премудрый инквизитор.

Пока тот, еле держа в руке четверть, наливает, ОН читает:

«Вопрос шестой! Относительно ведъм, отдающих себя во власть демонам, возникает ряд трудно разрешимых вопросов, как приступает демон к этой скверне. Наметим следующее:

1. О половом акте и от том, всегда ли он сопровождается извержением семени, взятого от постороннего лица.

2. Видим ли он при этом окружающими? Чувствуют ли они любовное наслаждение от полового акта с демоном?

(Вновь смотрит обложку.)

«Нюрнберг, 1441 год.»

Он поднимает глаза и видит ее сумрачный, ужасающий лик - над пламенем освященной свечи.

ОН *(Ей)*. Ого! Твори молитву, Сеня - время наше пришло, сейчас начнут иметь. СЕМЕН *(не видит ЕЁ, не понимает смысла сказанного берет у НЕГО из рук книгу, читает)*. Вот кусок, который мне, как никакой другой, запал в душу. Послушай:

«...НО грех сатаны во многих отношениях меньше греха ведъм. По словам

Ансельма Кентерьерийского, сатана согрешил из-за гордости, не имея перед тем никакого представления о наказаниях постигших за чародеяния уже многих. Они знают о наказаниях постигших за чародеяния уже многих. Они знают также преступления сатаны и его наказание. Несмотря на это,

они продолжают совершать по глубочайшей злобе их сердца свои позорные дела, к тому же, сатана пал только из состояния невинности и более не мог возвратиться».

ОН. Ты меня прости, но я ни хрена не понял.

СЕМЕН. Сейчас поймешь - это обстоятельство тебя слегка извиняет, потому что ты - есть сатана.

ОН. Ни хрена себе.

СЕМЕН (*продолжает чтение*):

«...Ведьма же, получившая благодаря таинству святого крещения....»

Слышал?! Крещения!

«...Состояние непорочности и снова покидающая его, тем самым грешит несравненно больше, чем сатана. Мы знаем одну ведьму, которая еще жива, так как ее защищала мирская власть; во время литургии, когда священник приветствует молящихся словами:

Семен берет торжественный, профессионально-проповеднический, официальный тон, однако вкушенный самогон мешает выполнить ему свою задачу по полной форме.

«...Господь да будет с вами», она при этом всегда произносила вульгарное выражение: «Поверни мне язык в заднице».

Во время исповеди, уже после отпущения грехов, ведьмы также должны выполнить что-либо подобное, никогда чистосердечно не исповедываться, особенно в смертных грехах; так мало-помалу они приводятся к модному отрицанию веры и богомерзкому занятию....»

ОНА. Поверни мне язык в заднице....

У отца СЕМЕНА теряется дар речи, из рук начинающих дрожать рук вываливается книга.

СЕМЕН (*Ему*). Что такое?

ОН (*наливает*). Ничего. Ты только что сказал, что мой грех по сравнению с ее - сущее дерьмо. А дерьмо - и есть все сущее. У меня даже в детстве была такая теория - что весь мир соткан из дерьма - и дома, и машины, и бензин, соответственно, люди, и панки, которые "дерьмовее самого дерьма", и выпало нам жить - "в дерьмовую эпоху". Так сказал

Великий Сальвадор. Так сказать, раб божий .

ОНА. Поверни мне язык в заднице, Семен...

Семен наконец-то поднимает голову, и моментально становится совершенно деморализован, она переводит на него взгляд, под которым его просто ломает.

На стол прыгает черный кот, ОН едва успевает убрать четверть, заодно себе наливает, тут же выпивает, быстро закусывает.

ОН. Не могу пьянеть, как все нормальные люди, Семен. Совершенно не пьянею, а потом - херак, - морда в салате, и хоть пароходом по мне проезжай - ни хрена не помню.

Прелюбодействовать не могу! Потому что мне этих баб хочется душить, душить, душить.

Неровным движением подтягивает к себе книгу, наугад выбирает страницу.

Мы даже не можем себе представить, до чего эта цивилизация довела бедных мужиков, и каким мы полезным делом нынче занимаемся, ибо предались мы сказочным гаданием на святой инструкции по инквизиции! (*Оглядывает ЕЁ.*) Сейчас ты исчезнешь, испаришься, растворишься. (*Читает.*)

«.....Упомянутый Иоганн Нидер, выдающийся ученый, который м в наше время славится своими творениями....»

Надо же! И в наше-то, многотрудное время! (*Продолжает.*)

Так, где это я...(Находит.)

«.... творениями, рассказывает со слов инквизитора Эдуэнской епархии, который именно в этом епархии за колдовские дела многих допрашивал и приказал сжечь....»

(*Ей.*) Сжечь! (*Продолжает.*)

«....приказал сжечь, говорит: «Из сообщения упомянутого инквизитора я узнал, что в Лозанском герцогстве некоторые ведьмы варят собственных детей и пожирают....»

ОН возмущенно оглядывает её, потом еще наливает себе, выпивает, берет наугад страницу, читает:

«....В Базельской епархии, в деревне, расположенной на берегу Рейна, по имени Оберве....Обервейлер, был почтенный приходской священник....»

ОН смотрит на Семена, который сидит, где сидел, не в силах оторвать своих

глаз от ЕЕ - как кролик под змеиным гипнозом.

Продолжает читать с утроенной яростью, как будто боится не успеть:

«...священник, имевший заблуждение, что на свете нет никаких ведьм, что они существуют только в человеческом воображении, которое подобного рода чародейства приписывает слабым женщинам. Бог восхотел излечить его от этого заблуждения, чтобы ему стало ясно, что демоны могут через посредство ведьм оказывать влияние на продолжительность жизни. Однажды, когда он спешил по делам, он, переходя через мост, встретил к несчастью одну прехорошенькую девицу, которую при входе на мост, хотел пропустить вперед; случилось так, что он к несчастью он толкнул ее в грязь, возмущившись, она ему сказала....»

ОНА. Берегись, поп, это тебе безнаказанно не пройдет...

ОН (*изумленно на нее глядя*). «...Имя священника было...

ОНА. «Имя священника - поп Гесслин».

ОН (*вновь открывает первую попавшуюся страницу, читает*):

«...Некто рассказывал, что когда он потерял член и обратился за восстановлением своего здоровья в ведьме, та приказала ему подняться на дерево и из находящегося там гнезда, в котором лежало большое количество членов, взять себе один. Когда тот хотел взять из них побольше, ведьма сказала....»

ОНА. «Нет, этот не тронь, - он принадлежит одному попу».

ОН (*не глядя в книгу, продолжает*). «...когда ее вели на костер, в той же епархии (в Шварцвальде), сказал своему палачу....»

ОНА. Я дам тебе награду...

ОН (*смотрит в книгу*). «...при этом она подула ему в лицо...Тотчас же у него появилась проказа по всему телу, и он умер через несколько дней...»

ОНА дует ЕМУ в лицо, ОН падает, что называется, «мордой в салат». Затем она переводит свой безумный взгляд на Семена, тот соскакивает с табуретки, шепчет молитву.

СЕМЕН (*в ужасе, отступает*). Сгинь, сгинь! Изыди! Господи, что ж так страшно - то. Сгинь, ведьма!

ОНА (*наступает на него, стуча зубами*). Я дам тебе награду...

СЕМЕН (*по пути колотит ЕГО по хребту*). Эй, придурок, проснись, очнись, свинья ты пьяная! Сволочь!

ОНА. Я дам тебе награду...

В конце концов она вылавливает СЕМЕНА в каком-то дальнем конце избы, при

тусклом свете свечи, стуча зубами, задирает ему рясу, становится перед ним на колени.

СЕМЕН издает душераздирающие крики, как будто с него живьем сдирают кожу, в этих воплях все - и желание, и страх, черт знает что такое.

ОН начинает плавно падать со своей табуретки на пол, однако, как только его тело касается пола, он вскакивает, как ошпаренный. крутится на месте, вероятно, никак не может сообразить, где он, бормочет своё «что такое?!», потом «какая вам к чертовой матери актриса, я известный режиссер!», затем отбиваясь от невидимых противников, заряжает всему оставшемуся за пределами этого жилища миру речь:

«...Это ж надо, до чего дожили - все деньги сначала этим голозадым шлюхам, а потом у же - автору идеи, композиции, комбинации, мастурбации, компиляции?»

Наконец, прекращает скакать по избе, видит в углу кельи, присматривается, обалдевает.

ОН. А, да здесь шабаш! А святой-то отец, а! Ах, как нехорошо! Нехорошо-то как, а!

ОН плавными шагами, на цыпочках, крадется к печи, вытаскивает за приклад свой великолепный карабин, целится в них через оптику - по его движениям вверх- вниз можно сообразить, что над Семеном твориться насилие..

Через некоторое время в НЕМ просыпается профессионал, и он вытаскивает с печи видеокамеру, и начинает снимать снимать в том же соитийном ритме.

При этом постоянно слышны вопли Семена, напоминающие стоны тарантиновского Марселоса, когда того имеют в задницу, слышны итак же и ее лязганье зубами, орет КОТ, воют гончие собаки в сенях, где-то в приусадьбе кукует, все насмерть перепутавший петух.

ОН вдруг о чем-то вспоминает, вытаскивает из-за уха чинарик с анашой, прикуривает от освященной свечи, затягивается, тащится.

Вероятно, ЕМУ все это надоедает, он подходит к столу, высасывает из четверти, сколько может, забрасывает видеокамеру на печь, вновь стаскивает карабин, пьянеет на глазах, передергивает затвор, его долго мотаает, в конце концов он начинает стрелять и выпускает всю обойму.

Все утихает, сам собой зажигается электрический свет, ОН подходит к тому углу, где творился на его глазах разврат: она лежит, как обычно, в позе покойницы, Семен корчится гжде-то в углу. ОН берет свечу, вставляет ей в руки.

ОН. Святой отец, ты что - ранен? Ну, извини. Я в тебя и целился. А она,

видишь, убита. (*Идет к столу, похмеляется.*) Да, вот те и вечера на хуторе, мать ее так.

Вновь кричат петухи, воют собаки, орут коты, он, усосав очередной стакан самогона, находит КОТА, берет его за шиворот, выбрасывает в сени, там сразу слышится грызня, рычание, шипение и все звуки, с этой ситуацией связанные, - внезапно все стихает.

Картина четвертая:

«Сон, возлагающий руку на мужскую спину»

1934 год, холст, масло, 48 X 74 см. Частное собрание.

Семен лежит на печи, - дергается в судорогах, ОНА лежит на его постели в той же позе, только с церковной свечей в руках, ОН выходит из сеней, держа в обеих руках куски каких-то пятнистых шкурок, размером с крысиные.

ОН. Собачки мои. Фокстерьерчики. Помню, как принимал роды. Как носил на руках. Помню, как был излишне суров. Как привязал вас как-то к бамперу своего старого джипа, и отвез этому самому врачу....Редкой специализации...

СЕМЕН. Ветеринару...

ОН. Ну да, геникологу... Обкурился, и действовал по стандартной, до боли профессиональной схеме. А потом вспомнил, что забыл отвязать...Помню, как запихивал вас своим поганым кирзовым сапогом в лисьи норы, а потом стрелял вслед, чтоб вам там веселей лазилось... Помню, как вы просидели в норе целую неделю, потому что боялись попасть на живодерню...Помню, как вас как-то сожрали на моих глазах волки, грянул гром, я перекрестился, а через неделю вы приползли - гордые и непобежденные....А я вам, вот этим самым поганым ртом сказал: "Нашлись, бляди!"

СЕМЕН (*из последних сил*). Не богохульствуй, сволочь!

ОН. Да пошел ты на...

КОТ (*откуда-то сверху*). Мяу!!!

ОН хватает карабин, начинает садить очередями в потолок, мяуканье, больше напоминающее львиное рычание, прекращается.

СЕМЕН (*орет из последних сил*). Прекрати, люди придут!

ОН. Что, прихожане? Придут, и увидят дохлую ведьму? А я им скажу, что святой отец Семен ее до смерти затрахал.

Так, прямо, и скажу (*декламирует в зал.*)

Бабки и дедки! Семен имеет такой «Молот», что ведьмы дохнут.

Вопрос первый - имеет ли он на это право! Конечно же имеет! Вот, и в

справочнике белым - по черному писано, кровавыми буквами:

«...Божественное право предписывает во многих местах не только избегать ведьм, но и умерщвлять их!

Ведьмы заслуживают наказаний, превышающих все существующие наказания!

Позорные дела ведьм превосходят все другие преступления. Они подлежат наказанию вдвойне: как еретики и как апостаты. Согласно Раймунду, еретики наказываются четырьмя способами: отлучением, отрешением от должности, конфискацией имущества и телесной смертью...»

Слышали, госпожа прихожане и прихожанки?!

Специально для глухих, немых и контуженных:

Телесной смертью!

СЕМЕН (*стонет*). Ай-ай-яй.

ОН. Что, убили Сеню? Ничего, сейчас ударим в там-там, пойдешь, и споешь.

СЕМЕН. Что....что спою...?

ОН. То есть как? Ведьмочку надобно будет отпевать. Что б спасти ее грешную душу. Кстати, о птицах (*Подходит к столу, наливает смотрит стакан на свет.*) Вчера поп с колокольни шлепнулся, даже мяукнуть не успел. Господи! Все взаимосвязано в этом мире, все взаимосвязано.

СЕМЕН. Сатана! Сгинь!

ОН немедленно бросает наземь шкуры, выуживает откуда-то из штанов все ту же инквизиционную книгу.

ОН (*Семену, читает*):

«... Подобное же повествуется и в другом рассказе: один святой муж увидел раз в церкви черта, который в облике священника держал проповедь собравшимся верующим. Что проповедник был черт, об этом святой муж узнал по наитию Святого духа. Внимая словам этого проповедника-дьявола, он нашел, что черт говорил безупречно и даже ратовал против преступлений...»

СЕМЕН (*страдая от недуга*). Что ты несешь?

ОН. А то! Что не всякий, кто нацепил на себя рясу, тот не черт.

СЕМЕН. Я умираю.

ОН. Что, ранен? Покажи дырку.

СЕМЕН. Какую еще дырку?!

ОН. От пулевого отверстия.

СЕМЕН. Нету у меня никакой дырки. Господи, худо мне. Худо мне, господи.

ОН вдруг останавливается и внимательно смотрит.

ОН. А у нее....

СЕМЕН. Что, что « у нее»?!

ОН. Есть отверстие?

СЕМЕН. Какое?

ОН. Пулевое! Слазь, иди, посмотри.

СЕМЕН. Не могу, худо мне.

ОН. А раньше мог. Я думаю, может она - никакая не ведьма, а ты - никакой не священник? Сламал ей, прости господи, прости Господи, лишил?! И сразу насмерть. Конечно, с такой-то ялдой. Решили мне тут мозги пропарить. Любовнички. Погоди. Я все придумал.

(Ищет какой-то кусок в книге, который ему явно знаком).

Не книжица, а клад. Вот ведь, эти самые..*(заглядывает в книгу.)* Яков и Генрих! Такой размах - это во времена-то мракобесия! *(Читает.)*

«...ТО, что среди немощного пола так много ведьм, которые могут, с помощью колдовства, то исчезать, то появляться, у нас есть, кроме свидетельств Священного Писания и людей, заслуживающих доверия, еще житейский опыт....»

Ясно тебе?

СЕМЕН. Что, что?

ОН. А то. Что она, может здесь и лежит, а на самом деле - ее нет.

СЕМЕН *(слегка приходит в себя, смотрит на нее - с печи)*. А как это определить.

ОН. Очень легко, если она - настоящая ведьма, то есть не она сама, а, как метко выразились эти два почтенных инквизитора - Яша с Геной, сама «эфирная оболочка».

Значит, она, как и НЛЮ, и этот, как его...

СЕМЕН *(постепенно приходит в себя, слазит с печи)*. Снежный человек.

ОН. Точно! Не должна проявляться ни на фотопленке, ни на...Видео!

Теперь мне ясно, почему она не хотела сниматься в моих порношедеврах. *(Внимательно оглядывает Семена, кидается к видеокамере, извлекает микрокассету.)*

Семен, пляши.

СЕМЕН. Это еще что такое? *(Пытается взять кассету но получает по рукам.)*

ОН. Это - готовый «Оскар». За лучшие мужскую и женские роли, режиссуру, вклад в кинематограф, свет, звук, а главное - идею. Великую гуманитарную идею, ибо до сих пор ни кто так и не удосужился даже попытаться вот так, современными методами, помирить добро со злом.

СЕМЕН *(с жутким подозрением всматривается в предмет ЕГО монолога)*.
Что там?

ОН. На этой пленке - пальмы, параходы, девочки и лакей-японец. Здесь - твоё соитие с ведьмой. Прямо в рясе.

СЕМЕН *(пятитя обратно к печи)*. Сатана...

ОН. Да тихо ты.

ОН быстрым и профессиональным движением подсоединяет шнуры к камере, камеру - к видеомэгнитофону, включает, смотрит. Из телевизора раздаются вопли Семена, стук ЕЁ зубов, вой собак, оранье кота, кудахтанье кур, кукареканье петухов, стоны всевозможной домашней скотины.

ОН. Так, так, так....здесь темновато. Эх, был бы «ВЕТОКАМ», Ну, Семен, у тебя и...Не член, а красавец. Прямо, как у того муляжа, который отсасывали в «Калигуле» Тинто Браска - моего кумира, мы даже знакомы - представляешь? Встретились в Стокгольме - в ресторанчике «Лондон», кабачек на «Дреттен Гаден» - улице Королевы, недалеко от Старого города. Где-то в двух шагах раздавали Нобелевские премии, и теперь я уверен, что был бы у меня тогда такой киноматериал, я бы хапнул премию за «МИР» - во всем мире. Красавец, это я тебе, как известный, признанный профессионал говорю...Все, лучше и лучше. Вот что значит, свежий воздух, молоко, яйца, все такое!

ОН оборачивается, и видит, что Семен стоит рядом с печью, с наставленным на него карабином.

СЕМЕН. Ну, а ОНА - там есть?

ОН. Нет. ЕЁ там нет. Так что зрелище феноменальное - такое впечатление, что некий православный йог демонстрирует чудеса аутотренинга - с летальным исходом. То есть - летательным. Да, давно хотел осведомиться, ты чего это? Меня, своего лучшего друга, и этого? Как его? Благодетеля? Хочешь застрелить?

Может, мы это, сначала скроем следы преступления? А то уж тут всем станет ясно - вот кино, вот инквизитор, а вот - его молот. Труп налицо.

СЕМЕН. Труп налицо...

Картина пятая «Свечение Лапорта».

1932 год, холст, масло; 109 X 80 см. Частное собрание. Картина задумана как дань памяти итальянскому физику Джамбаттисте Делла Порта. Он жил в конце пятнадцатого - начале шестнадцатого века. Им изобретена camera obscura и написан трактат *Magia naturalis*.

Здание храма. ОНА лежит во гробе, ОН стоит с поднятыми руками, Семен в него целится.

ОН. Ты все-таки свихнулся, святой отец. Ты ж меня чуть не застрелил.

СЕМЕН. А ты не балуй.

ОН. Ты что, в армии служил? Что ж ты мне сразу не сказал.

СЕМЕН. Когда я тебе должен был об этом говорить?

ОН. Когда устраивался на работу. Этим. Героем любовником. Руки-то можно отпустить, я ж отек весь.

СЕМЕН. Опusti.

ОН (*опускает руки*). Фух. Грех, Сеня! В храм со смертоносным-то оружием.

СЕМЕН. Ни хера, добро должно быть с кулаками. С вами, с демонами да с ведьмами, только так и надо. Будешь ее отпевать.

ОН. Я?! Нет, лучше ты меня застрели.

СЕМЕН. А чего? Говорят, ты пел в вокально-инструментальном ансамбле. А потом как-то снял клип по собственному сценарию.

ОН. Там Боно пел, а я только рот открывал!

СЕМЕН. Тогда - с дебютом. Вот тебе ведьма, во тебе текст.

ОН. Слушай, да пошел ты...

Семен передергивает затвор, на пол храма со звоном падает патрон, ОН пятится.

Ты мне так все патроны изведешь. А они, знаешь, ли, дорогие. Антикварные. Этими патронами мой дедушка воевал, когда отбивался от этих...красных атеистов. Одним словом - безбожников. Возможно, в этом же храме, до сих пор пребывавшего в чисто складском имидже.

СЕМЕН. Врешь ты все, не было у тебя никогда никакого дедушки.

ОН. То есть как?

СЕМЕН. Ты - внук дьявола. У тебя по роже всегда было видно, что ты внук дьявола.

ОН. А папа мой тогда - кто?!

СЕМЕН. Он же.

ОН. А сам? Если мне память не изменяет, ты недавно снялся в новом порно, - у тебя там еще сначала дематериализовалась, а потом померла партнерша.

СЕМЕН. А я - пожалуй расстригаюсь.

ОН. С чего это вдруг?

СЕМЕН. Осквернен ...вон ей.

ОН. Ничего, вот и в книге написано....(*Вытаскивает все ту же книжечку, сдувает с нее пыль*). во главе «о ведьмах, предающихся демонам», вопрос шестой:

«.....Относительно ведьм, отдающих себя во власть демонам, возникает ряд трудно разрешимых вопросов, сводящихся к тому, как приступает демон к этой скверне. Наметим тут следующее: первое - о демонах и о составных частях телесного облика, принимаемого ими, и второе - о половом акте и о том, всегда ли он сопровождается извержением семени, взятого у постороннего лица, третье - о времени и месте этого акта и о том, нет ли у демона для этого определенного времени, и, наконец, четвертое (самое для нас интересное), - видим ли он при

этом окружающими?

СЕМЕН. Кто?

ОН. Демон.

СЕМЕН. А я-то тут причем. Я, как ты видишь, православный священник.

ОН. Э, дорогой. Это я тоже сейчас одену байковый рейтузы, такие знаешь, с начесом - и стану повивальной бабкой, и меня все сразу начнут называть не иначе, как только «девушка».

СЕМЕН. Почему это тебя все будут называть «девушка»?

ОН. Всех бабок, которые сидят в кассах, называют «девушка».

Там, кстати, есть еще и пятое: (*читает.*)

«...чувствуют ли ведьмы любовное наслаждение от полового акта с демоном?»

СЕМЕН. Ну ты...

ОН. Что? Ну, что?

СЕМЕН. Сатана.

ОН. Ни хрена себе. Это кто ж из нас сатана, а, святой отец? Я, как честный, законопослушный гражданин, труженик порноискусства, приезжаю к своему лучшему другу, привожу ему креститься девочку, делюсь с ним тайнами своей запоздалой любви, а так же творческими планами, а он меня окуривает анашой, потом опаивает самогоном, а под занавес - это накануне тайного обряда, и вовсе - овладевает девчушкой в извращенной форме? Так кто из нас демон-то, а, святой отец? И кстати, у меня есть документальное доказательство того, что она на пленке видна, а ты - как-то слабо. А на счет того, как это, вообще, выглядело - так это она придурялась а...

СЕМЕН. А ты ее взял, и застрелил. Сволочь. Да ты - убийца, о чем мы тут говорим! Так что я тебя, считай, просто задержал, до приезда органов.

ОН. Органов. Ах ты - стриптизер проклятый. Вот я им покажу - какой у тебя там орган. Фантастика. Сантиметров, поди, тридцать. Самогон, поди, весь у старушек-прихожанок собрал, что б только глазком взглянуть. А потом - «не богохуйствуй, да не богохуйствуй». Лицемер. Конформист. Мерзавец. Мракобес. Почем опиум для народа?

СЕМЕН. Ладно, ты давай, сиди, а я пошел звонить.

ОН. Куда?

СЕМЕН. В милицию.

ОН. Стой, погоди, ты что, с ума, что ль, сошел? Надо сперва осмотреть труп - может она тебя просто поимела, прости, ты ее, ну, в общем, вы оба, а теперь - придуряется.

СЕМЕН. Кто будет смотреть?

ОН. Ты, конечно.

СЕМЕН. Это еще почему?

ОН. Ну потому что, и у Гоголя так. И вообще, - у вас, я вижу, любовь. Она же ясно сказала - поверни мне язык в заднице. Я собственными ушами слышал.

СЕМЕН. Не буду я ей куда смотреть.

ОН. Делов-то! Надо найти пулевое отверстие, - у меня, к несчастью, не полуболобочные патроны, а то б ей, суке...

СЕМЕН. Не богохульствуй.

ОН. Пардон, пардон. А то б ей, девочке моей ненаглядной, пол-брюха вынесло. А так - могло прошить, а могло и не прошить...

СЕМЕН. Ладно, черт с тобой, прости господи.

СЕМЕН ставит карабин в угол, они оба подходят ко гробу, обступают гроб с обеих сторон.

ОН. Ну, давай.

СЕМЕН. Что - давай?

ОН. Смотреть.

СЕМЕН. Куда смотреть?

ОН. На тело! Жопа.

СЕМЕН. Не обзывайся, сатана.

ОН. Сам - сатана.

СЕМЕН. Ну, давай, начинай осмотр. Убийца.

ОН. Гинеколог - в рясе. Удалил бы ты меня от сюда - к чертовой матери.

СЕМЕН. Успеем.

СЕМЕН смотрит на НЕЕ с трудноскрываемым интересом, ОН это замечает.

ОН. Э-э, Семен. Приступ некрофилии? Да вы, батенька, вурдалак.

СЕМЕН. Болтай, болтай, тебе в тюрьме сидеть. А не мне.

ОН. Если найдешь дырку - буду сидеть я, если нет - будешь сидеть ты. Никогда еще такой парафраз не был наполнен столь глубоким смыслом.

СЕМЕН. А я-то за что?!

ОН. За изнасилование. Это будет процесс века, который войдет в третье тысячелетие, как инквизиционный ремикс. Приходской священник оттрахал городскую ведьму. Ужас. Ну что, тебе выгодней найти отверстие, ты и ищи.

СЕМЕН. Ее, наверное, надо раздеть.

ОН. Прошу, флаг вам в руки, святой отец.

СЕМЕН. Нет, давай ты.

ОН. Хорошо, иду на компромисс. Разденем ее вместе. Я - верх, ты - низ.

СЕМЕН. А низ-то зачем?

ОН. Пуля - дура, это штык - молодец. *(Похлопывает Семена по гениталии.)* Может попасть, сам догадайся куда.

СЕМЕН. А что, были случаи?

ОН. Ну, может быть - этот тот самый, единственный и неповторимый, пулевой полет. Как сказал бы метр Сальвадор Дали, - «эра булетизма в гинекологии». Если мы найдем пулю ТАМ, то совершим революцию по трем позициям - снайперской стрельбы, святой инквизиции,

и...

Пауза.

СЕМЕН. Ну? Чего ж еще?

ОН. Назовем это - спортивное ориентирование. Я по телевизору видел, что в Штатах какой-то хрен ловил пули зубами - через стекло. А она, видишь, могла поймать...

СЕМЕН. Ясно.

ОН. В таком случае, я поздравляю вас, святой отец, с началом осмотра, - желаю успехов, бороться, найти, забрать и перепрятать.

Оба «отца», с двух сторон, с огромными предосторожностями, начинают ее раздевать.

Отец святой как бы ассистирует отцу крестному.

ОН. На шее, как видишь, ничего такого криминального нет, Так дальше, вот она, трепетная грудь - вот левая, Сеня, лучше груди я за всю свою порнокарьеру не видел - это я тебе, как профессионал профессионалу говорю, то же самое, что можно сказать о твоём...О принадлежащем тебе...О богом тебе данном....

СЕМЕН. Ладно, в храме-то божем...

ОН. Ах, да, пардон, пардон. А вот - правая...НЕ хуже, чем левая, правда, Сеня? Нет предела совершенству. Но следов преступления не видно и здесь. Эврика! Это все нужно заснять. Это - фильм. Это - «Оскар». Ну уж эта, ветка, не коноплевая, нет...Пальмовая! Тащи сюда камеру.

СЕМЕН. Здесь нельзя снимать, тем более голую, мертвую ведьму.

ОН. Но почему? В каком каноне это записано? Ну-ка давай посмотрим, тыкаемся наугад в святую инструкцию....(*Открывает книгу.*)

«...По милости бога священник был освобожден от своего недуга, ибо у него главным образом под языком, скрывался нечистый. Сказал бес правду или ложь? Мы не знаем этого. Ведь бес такой же лжец, как и его отец. Это лишение рассудка, приложим также к случаю одержимости вышеупомянутого священника, которого экзоцировали в Риме...»

СЕМЕН (*не слушает, ибо поглощен зрелищем*). А она...так не замерзнет...?

ОН. Наоборот, так она дольше сохранится, в смысле...пролежит.

СЕМЕН. А зачем ей здесь долго лежать? Нет, здесь ей лежать не надо.

ОН. Ну, это если - отверстие есть, в смысле, пулевое.

СЕМЕН. А если - нет?

ОН. Но какое-нибудь-то есть. Ты что же, не почувствовал?

СЕМЕН. Нет. Я вообще ничего не помню. Не было этого.

ОН. Было, Сеня, было. (*Показывает ему микрокассету.*) Вот он, натуральный шабаш, я его вмонтирую в новое кино.

СЕМЕН. Отдай мне ее.

ОН. Ни - за - что.

СЕМЕН. А где эта твоя...камера?

ОН. Всегда при мне. (*Вынимает видеокамеру, припевает.*) « Я всегда с собой беру, видеокамеру». (*Снимает ее.*)

СЕМЕН. Зачем ты ее снимаешь?

ОН. Потому что она - ведьма. Может быть, она мертва, а может быть - нет.

СЕМЕН. А что ты думаешь?

ОН. Думаю, что - придуряется.

СЕМЕН. Как ведьма, или как...

ОН. Ну, ну?

СЕМЕН. Как женщина. В смысле, девушка.

ОН (*любуется ей*). Ускользящая, бля, красота. Женщина она, девушка ли, а все едино - ведьма. Вот, читай.

ОН передает трактат Семену, сам снимает ее - со всех сторон, Семен читает:

СЕМЕН (*читает*):

«Святой Григорий в 1 диалоге так рассказывает об авве Эквиции; «В юных годах сильно мучила его тяжкая борьба с вожделениями плоти; но самая тяжесть искушения заставила его быть тем более прилежным к молитве; и так как в непрестанной молитве он испрашивал у всемогущего бога врачевания против искушения, то в одну ночь он увидел, как перед ним предстал ангел и как бы оскопил его, и в том же видении ему показалось, что всякое движение в половых органах исчезло, и с этого времени он был так далек от искушения, что как будто не имел в теле полового признака. Вот каков дар целомудрия. Укрепившись же с помощью благодати божией добродетели, Эквиций, как дотолу управлял мужскими монастырями, так отселе начал управлять и женскими...»

Семен отрывается от чтения, в полнейшем разброде смотрит на НЕГО, тот изощряется в съемке - его операторские позиции парадоксальны, сверх профессиональны, немислимы.

ОН. Ну вот, видишь - твори молитву, избавляйся от искушения, и ты будешь управлять всеми домами...пардон, женскими монастырями, а когда сменишь ориентацию, и обретешь дар целомудрия, будешь управлять и мужскими. Секундочку! (*Слегка отстраняет его, снимает.*) А на хрена, спрашивается всеми ими управлять, если исчезает «движение в половых органах»? Вот я подпрыгиваю, пытаюсь мудями бодро встрепенуться, но тщетно. (*Подпрыгивает - и правда тщетно.*) А я-то думаю, там же исчезают наши карающие пули, -

задумайся, святой отец! Как во времена святой инквизиции они, эти многогрешные суки, ловили задними премалярами....

СЕМЕН. Это что еще такое?

ОН. Ну да, ты ж не собачник...Эх, собачки мои, собачки... В жизни сук не держал, они и в норе пищать, как.... (*Сатанеет.*) Ну, клыками, ё-моё. Теми, что растут в их смердячих пастях. Улавливали стрелы прекрасных, розожопых амуров, те самые стрелы, что предназначались совсем другим сукам!

СЕМЕН.??!!

ОН. Девушкам. Кто докажет нам, крестным, а так же святым отцам, что они, эти ведьмы, с развитием этой шизофреничной цивилизации, не изощрились в своем нечистом искусстве?! И не стали улавливать пускаемые нами стрелы....Этой, как ее... Пиз...

СЕМЕН (*в исступлении*). Не богохульствуй, сволочь!

ОН. Так ты просто не тот кусок прочел. Дай-как сюда. (*Вручает Семену камеру, забирает у него трактат.*)

Во! (*Выходит к воображаемой аудитории, всю декламирует.*)

«...Из-за ненасытности женщин к плотским наслаждениям человеческая жизнь подвержена неисчислимому вреду. Поэтому мы можем с полным правом....»

Это они могут - Яша с Гошей, ну, я тебе скажу - мы круче будем - потому что у нас в руках техника и познание!

СЕМЕН (*накачивается злобой*). Давай дальше.

ОН. Ай момент! (*Читает.*)

«...С полным правом утверждать вместе с Катонем: «Если бы мир мог существовать без женщин, мы общались бы с богами».

(*Себе.*) Или с правой, мозолистой рукой - если, конечно, правша.

СЕМЕН (*настраивается*). Чего ты там мямлишь? Читай!

ОН. Легко, святой отец, легко! Как говорил наш дорогой Александр Сергеевич, «книги продлевают время жизни»!

(*Читает.*)

«....Валерий писал Руфину: «Ты не знаешь, что женщина - это химера, но ты должен знать, что это чудовище украшено превосходным ликом льва, обезображено телом вонючей козы...»

СЕМЕН. Там так написано?

ОН. Как порой говорят эти самые суки - "можешь проверить" Или вот еще, из последних: "разрешаю, это значит можно". (*Читает.*)

«...вонючей козы и вооружено ядовитым хвостом гадюки. Это значит: ее вид красив, прикосновение противно, сношение с ней приносит смерть...»

Смерть!

«...Они убивают, т.к. опустошают денежные мешки, крадут силу и заставляют презирать Всевышнего. Еще раз Валерий к Руфину: «Цветок любви - роза. Ведь под ее пурпуром скрываются шипы». Притчи Соломона: «Мед источает уста чужой жены, и мягче елца

речь ея. Но последствия от ее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый».

У Сократа было две жены, характер которых он выносил с величайшим терпением, но все же не мог освободиться от их окриков, укоров и злоречия. Однажды, когда снова на него напали, он вышел чтобы избежать раздоров, и сел перед домом.

Видя это, женщины вылили на него грязную воду....»

(Чуть не плачет.) Слышал? Нет, ты слышал? На Сократа!

(Продолжает.) «...На это философ, не раздражаясь, сказал: «Я знал, что после грома следует дождь...»

А ведь и правда, какое точное, остроумное замечание! Все, к чертовой матери, Шопенгауэра, отныне мой любимый философ - Сократ, а то я почему-то до сих пор думал, что эти клише - для дефективных....

СЕМЕН. Чего ты там мямлишь?

ОН. Ничего.

«...Такова женщина, на которую горько жалуется церковь и которой Экклезиаст говорит следующее: «Я нашел, что женщина горче смерти, она петля охотника. Ее сердце - тенета, а ее руки - оковы. Кто угождает богу, тот ее избегает. Грешник же будет ею уловлен...»

(от себя). Так же, как она уловила нашу пулю - 7, 62.

СЕМЕН. Твою.

ОН. Ага. *(Продолжает.)*

«...Почти все государства были разрушены из-за женщин. Троя погибла из-за похищения Елены. Многие тысячи греков нашли там смерть. Иудейское государство претерпело много невзгод и разрушений из-за скверной царицы Иезавелии и ее дочери Гофолии, царицы в Иудее, которая умертвила всех внуков, чтобы царствовать после смерти сына. Обе эти женщины были в свою очередь умерщвлены. Много напастей испытало Римское государство из-за Клеопатры, египетской царицы.

А сколько горя привнесла в государственное устройство целой империи, известная ведьма Нового Света, зовущая себя - Моника, что заручилось президентским семенем на своем синего пурпура платье? А президент, тоже - мудака. Кто мог бы подумать, что такое возможно, скажем, во дворце нашего дорого Хусейна ибн Саддама - ведьме сей тут же бы срубили голову, сожгли, зарядили бы в пушку, и развеяли бы по ветру!

СЕМЕН. Тогда еще не было никаких пушек.

ОН *(Смотрит на обложку)*. Н-да. И это еще раз подтверждает нам гениальность авторов.

СЕМЕН. Ну ладно, хватит.

ОН. Не думай о секундах с высока, Сеня! Секунда нам не повредит! *(Читает с особым значением.)*

«...Подведем итоги: Все совершается у них из ненасытности к плотским наслаждениям. Притчи Соломона говорят: «Троякое ненасытимо...» и т.д., «...а четвертое - это то, что никогда не говорит:

«Довольно»,

а именно - отверстие влагалища».

(Пауза.)

СЕМЕН. Там так написано?

ОН Это ж твоя книга, что же ты, ее не читал?

СЕМЕН. Просматривал. Дай посмотрю.

(Читает.). И то правда: «Отверстие влагалища», прости Господи. *(Интенсивно крестится.)*

ОН. Короче, как поет флегматичный Эдж...

СЕМЕН. Да она уж мне пела...

ОН. Какой, интересно, куплет?

СЕМЕН. "Не ссы в водосток".

ОН *(обозляется)*. Ну что, может закопаем ее к

СЕМЕН. Нет.

ОН. Ну тогда, осталось последнее место, где могла оказаться пули. Прошу.

СЕМЕН. Черт с тобой.

Святой отец становится на изготовку, отец крестный все это снимает.

Пошевелив губами, как видно - молитву, Семен совершает основной осмотр.

ОН. Ну что? Как там? Как следует смотри!

СЕМЕН. Есть!

Семен извлекает пулю, рассматривает ее на свет, ОН все это снимает на видеокамеру.

ОН. Фух. Кассета кончилась. Хорошо пулька вошла, а? Смотри обратно не урони. «Вещь-док». Но, если честно, я всегда знал, что эта девчонка - еще не на такое способна. Такая, знаешь, и в избу, и коня на скаку, и...Короче, название фильма будет: «Пуля и штык».

ОНА. Довольно....

ОН. Что такое? Что ты сказал?

СЕМЕН *(завороженно рассматривает пулю)*. В жизни бы не смог поверить, что такое - бывает.

ОН. В жизни, святой ты мой отец, всякое бывает. Я вот однажды на греческом острове Родос порнуху снимал, так там девки - международный чемпионат устроили, у кого, значит, чего уместиться, так наши, русские - ты не поверишь, цельный....

ОНА. Довольно....

СЕМЕН. Ты что-то сказал?

ОН *(начинает соображать, пяtitся)*. Семен! Отдай ей пулю.

СЕМЕН. Это как?

ОН. Как взял, так и отдай.

ОН. Каламбур.

СЕМЕН. Она...Она улетела.

ОН. У нас, у ворошиловских стрелков ходит выражение - «помирать полетела». Это - про пархатую дичь так говорится. Тихо тихо...Слышишь?

СЕМЕН. Нет...

ОН. Да не ушами... Носом!

СЕМЕН. Как я могу слышать носом, черт бы тебя не видал!

ОН. Этот кошачий запах... Ага, вот я уже начинаю задыхаться...Вот я сейчас чихну...

Картина шестая: "Созерцание арфы".

1932-1934 год, холст, масло; 67 X 47см. Благотворительный фонд Морзе; экспонируется в Музее Сальвадора Дали, Сент-Питсберг, Флорида, США.

Слышен нарастающий шум - на этот раз какой-то явно военный. ОН чихает, земля трясется, падают стены, заваливая собой обоих отцов - и святого и крестного.

Основная стена, та, что в театральном варианте этого кошмара является - задником, пробивается длинная труба, она медленно выдвигается в зал, и через какое-то время становится ясно, что это - танковый ствол.

Стена падает, появляется и сам танк - он камуфлирован и суперсовременен. Танк останавливается открываются башенные люк, из него выскакивает сначала невообразимых размеров черный толи КОТ, то ли черт (в десантном берете и с усами), затем появляется ОНА - все в том же камуфляже, что и отправлялась на охоту. Она садится верхом на ствол, манящим движением пропуская его между ног, КОТ запрыгивает ей на руки.

ОНА. Танк - «Леопард 2 а», родом из Германии. Технические, характеристики - высочайшие.

КОТ (вытаскивает из-за пазухи огромный пакет «VISKAS», на котором изображена фотография Сальвадора Дали с автографом. Тычет когтистым пальцем в фото Гения, совершенно по-кошачьи декламирует). Клеопатра, царица Египта. Основа её меню - «VISKAS».

Кто-то открывает кингстон,
И все это к чертовой матери
Куда-то тонет.

З А Н А В Е С

P.S.

Господи! Если бы я мог так же любить женщину, как тебя, моя музыка, моя дивная Динорах!

Я искал тебя столько лет, ты исчезала, уплывала, и когда начиналась весна, я велел привязывать себя к мачте, потому что у меня больше не было сил просить у тебя любви!

Столько лет я шлындился по музыкальным магазинам, избивал продавцов и лил соленые слезы, чтобы понять - всему свое время, и ты вернулась вовремя - с нами ничего не случится, и если ты позвонишь с легального телефона, я прочту тебе этот текст, а потом ты станешь морской пеной, потому что у каждой рыбы таковая участь, и меня, слава Богу, никогда не расколдовать.

dell-vasilevsky@yandex.ru